

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARIES

3 1761 00322727 9

Bal'mont, Konstantin
Dmitrievich

Polnoe sobranie
stikhov

PG
3453
B2
1914a
t.10

POLNOE SOBRANIE
STIKHOV
Vol. 10

K. Bal'mont

Published on demand by
UNIVERSITY MICROFILMS
University Microfilms Limited, High Wycombe, England
A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

This is an authorized facsimile of the original book, and
was produced in 1972 by microfilm-xerography by University
Microfilms, A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

Balmont, Константи́н Константи́нович

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОВЪ

т. 10
Томъ Десятый ===

ХОРОВОДЪ ВРЕМЕНЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СКОРПИОНЪ“ 1909 ===

OP 38434
X 71 82 C 91

Ренэ Аркоса, С. Аусландера, Ю. Валтрумптиса, К. Д. Бальмонта, Е. Баратынского, О. Бердетта, А. Блока, Валерия Брюсова, Андрея Белаго, М. Волошина, Эмиля Верхарна, З. Гиппиус, Рене Гиля, Ж. де Гурнона, С. Городецкого, В. Гофмана, Н. Гумилева, И. Грабаря, В. Жуковского, Вич. Иванова, В. Каллаша, М. Кальвокоресси, Антона Крайниго, А. Кондратьева, М. Кузицкого, И. Лернера, М. Ликлардопуло, Д. Моржковского, В. Морфилда, И. Минского, Дж. Папини, С. Полякова, А. С. Пушкина, Ст. Пшибычевского, А. Ремизова, В. Розанова, Р. Росса, И. Рукавишникова, Б. Садовского, Вл. Соловьева, С. Соловьевса, Ф. Сологуба, Е. Тарасова, гр. А. Н. Толстого, Оскара Уайлдса, К. Чуковского, Г. Чулкова, Эллиса, П. Эттингера и мн. др. Въ „Въсахъ”, воспроизведены (въ одну иль сколько красокъ), картины, рисунки, заставки и концовки слѣдующихъ художниковъ: А. Арапова, Л. Бакста, В. Борисова, Мусатова, М. Врубеля, В. Дриттенрейса, О. Гиліа, К. Вальзера, А. де Каролиса, Р. Костетти, Фр. Кристофа, Н. Крымова, М. Ларонова, И. Ловитана, Павла Кузнецова, А. Мартини, В. Милюти, Л. Настернака, О. Радона, И. Рериха, Т. ванъ Риссельберга, А. Рувейра, Н. Сапунова, К. Сомова, Т. Стержль-Мура, С. Судейкина, М. Шестеркина, Фидуса, К. Юона, Г. Якулова, И. юеофилактова и мн. др.

Значительная часть материала, обнародованного въ „Въсахъ”, никогда не перепечатана.

Цѣна полнаго комплекта „Въсовъ” за всѣ шесть лѣть изданий — 40 руб. безъ пересылки. Отдельные годовые комплекты: 1904, 1905 и 1906 — по 6 руб. безъ пересылки, 1908, 1909 — по 7 руб. безъ пересылки. Комплектъ за 1904, 1905, 1906, 1908 и 1909 гг. (безъ 1907 г.) — 27 руб., безъ пересылки; 1907 г. отдельно не продается. Пересылка по действительной стоимости. Издательство сохраняетъ за собою право повысить указанную цѣну по мѣрѣ израсходованія комплектовъ.

Вѣтъ, выписывающіе непосредственно изъ склада, пользуются пересылкой за счѣтъ книгоиздательства, за исключеніемъ тѣхъ изданий, на которыхъ цѣна понижена, и 2-й части „Сог Ardens“ Вячеслава Иванова, получаемой по талону. Деньги, причитающіеся за заказываемыя издания, просятъ высыпать впередъ — при заказѣ. При выплѣкѣ наложенненіемъ платежемъ расходы по наложенію платежа принимаютъ на себѣ гг. заказчики.

Адресъ конторы книгоиздательства „Скорпіонъ“: Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23 (телефонъ 50-89). Изданія к-ва „Скорпіонъ“ можно также получать въ книжномъ складѣ „Комиссіонеръ“ Петербургъ, Садовая, 18.

К. Д. Бальмонтъ.

МОСКВА.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНОВА.
Леонтьевской пер., д. № 5.
1909.

Хороводъ Временъ

ВСЕГЛАСНОСТЬ

1908.—Май.

БЪЛЫЙ ЛЕБЕДЬ.

БЪЛЫЙ ЛЕБЕДЬ.

*Посвящаю эти строки матери моей
Вторь Николаевне Лебедевой-Бальмонти,
Чей предок былъ
Монгольскій Князь
Бѣлый Лебедь Золотой Орды.*

1.

Ковь къ комю. Гремитъ копыто.
Пьяный, рьяный, каждый конь.
Гей, за степь! Вся степь изрыта.
Въ лотъ коршуна не троиць.

Да и лебедя не трогай,
Бѣлый Лебедь заключь.
Гей, дорога! Ихъ у Бога
Столько, столько—звѣздный счетъ.

2.

Мы оттуда, и туда, все туда,
Отъ сѣнеговъ до лѣтней пыли, отъ цвѣтовъ до льда.

Мы тамъ были, вотъ мы здѣсь, вѣчно здѣсь,
Степь какъ плугами мы взрыли, взяли округъ весь.

Мы здѣсь были, что то тамъ, что вонъ тамъ?
Глянемъ въ чары, намъ пожары свѣтятъ по ночамъ.

Мы оттуда, и туда, все туда,
Наша—долы, наши—рѣки, села, города.

3.

Для чего же и данъ намъ размахъ крыла?
 Для того, чтобы жизнь жила.
 Для того, чтобы воздухъ отъ синиста крыль
 Быть видѣнъемъ крылатыхъ силъ.

И закроемъ мы Мѣсяцъ толпой своей,
 Пролетимъ, сия блескоть свѣтлѣй.
 И на мигъ мы у Солнца измѣнимъ видъ,
 Станеть ярче небесный щитъ.

Отъ звѣзды серебра до другой звѣзды—
 Нашъ полетъ Золотой Орды.
 И какъ будто за нами бѣжитъ бурунь,
 Гулъ серебряно-звонкихъ струнъ.

Отъ червонной зари до зари другой
 Птицы крики, прабой морской.
 И за нами червонныи цвѣты всегда,
 Золотая живетъ Орда.

4.

Конь и птица—неразрывныи,
 Конь и птица—быстрый бѣгъ.
 Какъ вдали костры призывны!
 Поспѣшаемъ на ночлегъ.

У костровъ чернѣютъ тѣни,
 Приготовлена ъда.
 Въ быстромъ бѣгѣ измѣненій
 Мы найдемъ ее всегда.

Нагруженные обозы—
Въ ожиданіи пѣтомъ.
Безъ вѣщательной угрозы,
Чтѣ намъ нужно, мы возьмемъ.

Тѣни почі въ ночь и прянуть,
А костры оставлять намъ.
Если жъ биться съ нами станутъ,
Смерть нещадная тѣнямъ.

Дѣти Солнца, мы приходимъ,
Чтобы алый цвѣтъ расцвѣлъ,
Быстрый счѣтъ мы съ міромъ сводимъ,
Вводимъ волю въ произволъ.

Тамъ гдѣ были раздѣлены
Заблудившихся племенъ,
Входимъ мы какъ цѣльность пѣниья,
Какъ одинъ прибойный звонъ.

Кто послалъ насъ? Намъ безвестно.
Тотъ, кто выслалъ сарачу,
И волѣть дома, гдѣ тѣсно,
Поджигать своимъ „Хочу“.

Что ведеть насъ? Воля кары,
Измѣненіе вещества.
Паряжаля въ пожары,
Ночь свѣтла и ночь жива.

А потомъ? Потомъ недвижность
Въ должный часъ убитыхъ тѣлъ,
Тихой Смерти необлыжность,
Черныи коршунъ пролетѣлъ.

Прилетѣлъ и сѣлъ на крышѣ,
Чтобы каркать для людей.
А свободиѣс, а выше—
Стая бѣлыхъ лебедей.

5.

Ночь осенняя темна, ужъ такъ темна,
Закатилась крутогорая Луна.

Не видать ся, Владычицы ночей,
Ночь темна, хоть много звѣздныхъ есть лучей.

Вонгъ, раскинулись узоромъ круговымиъ,
Звѣзды, звѣзды, многозвѣздный бѣлый дымъ.

Упадаютъ. Въ ночь осеннюю съ Небесъ
Не одинъ свѣтильникъ радостный исчезъ.

Упадаютъ. Почему, зачѣмъ, куда?
Вотъ, была звѣзда. И гдѣ она, звѣзда?

Возсіяла лебединой красотой,
И ушла, перестала быть звѣздой.

А Дорога-Путь, Дорога душъ горятъ.
Говорить душѣ. А что же говорить?

Или только вотъ, что есть Дорога птицъ?
Мнѣ ужъ мало убѣгнай безъ границъ.

Мнѣ ужъ мало взять костры, разбить обозъ,
Мнѣ ужъ скучно отъ росы повторныхъ слезъ.

Мнѣ ужъ хочется двухъ звѣздныхъ близкихъ глазъ,
И покоя въ лебедино-тихѣй часъ.

Гдѣ-жъ найду ихъ? Гдѣ, желанныиа, она?
Ночь безлунная темна, ужь какъ темна.

Гдѣ же? Гдѣ же? Я хочу. Схвачу. Возьму.
Свѣтять звѣзды, не просвѣтять въ мірѣ тьму.

Упадаютъ. За чредою череда.
Вотъ, была звѣзда. А гдѣ она, звѣзда?

6.

— Гдѣ же ты? Тебя мы ищемъ.
Завтра къ новому летимъ.

— Быть безъ отдыха—быть ищемъ.
Чтобъ мнѣ новый дымъ и дымъ!

— Гей, ты шутишь? Или—или —
Оковаться захотѣлъ?

— Лебедь бѣлый хотеть лилій,
Коршунъ хотеть мертвыхъ тѣль.

— А не ты-ли красовался
Въ нашей стаѣ лучше всѣхъ?

— Въ утрѣ—день былъ, мракъ качался.
Не смѣюсь, колъ замеръ смѣхъ.

— Гей, зачахнешь здѣсь въ затонѣ.
Бѣлый Лебедь, улетимъ!

— Лучше въ собственномъ быть стоиѣ,
Чѣмъ грозой идти къ другамъ.

— Гей, за степи! Бросимъ, кинемъ!
Бѣлый Лебедь измѣнилъ.—

Скрылись станъ утре синемъ.
Въ Небѣ синемъ—звонъ кадилъ.

7.

— Полоняночка, не плачь.
Свѣтоглазочка, засмѣйся.
Иу, засмѣйся, змѣйкой вѣся.
Все, что хочешь, обозначь.

Полоняночка, скажи.
Хотишь серьги ты? Запястья?
Все, что хочешь. Только бъ счастья.
Но счастья—безъ межи.

О, свѣтлянка, попѣзуй!
Дай ми сказку поцѣлуя!
Лебедь хочетъ жить ликум,
Бѣлый съ бѣлой въ брызгахъ струй.

Поплысъ,—но утоплю.
Возлестъ,—коснусь крыламъ.
Выше. Къ Солнцу! Солнце съ нами!
— Лебедь... Бѣлый... Мой... Люблю...

8.

Опрокинулись рѣки, озера, затоны хрустальные,
Въ просвѣтленность Небесъ, гдѣ несчетность Млечныхъ путей.
Свѣтять въ ночи веселыя, въ мертвыя ночи, въ печальными,
Разновольность людей обращаютъ въ слѣянность ночей.

И горятъ, и горятъ. Были вихрины, стали кадилами.

Стали бездной свѣтей въ круговозданности храмовъ ночныхъ.
Моремъ бѣлыхъ цвѣтовъ. Стали стаями птицъ, бѣлокрылыми.

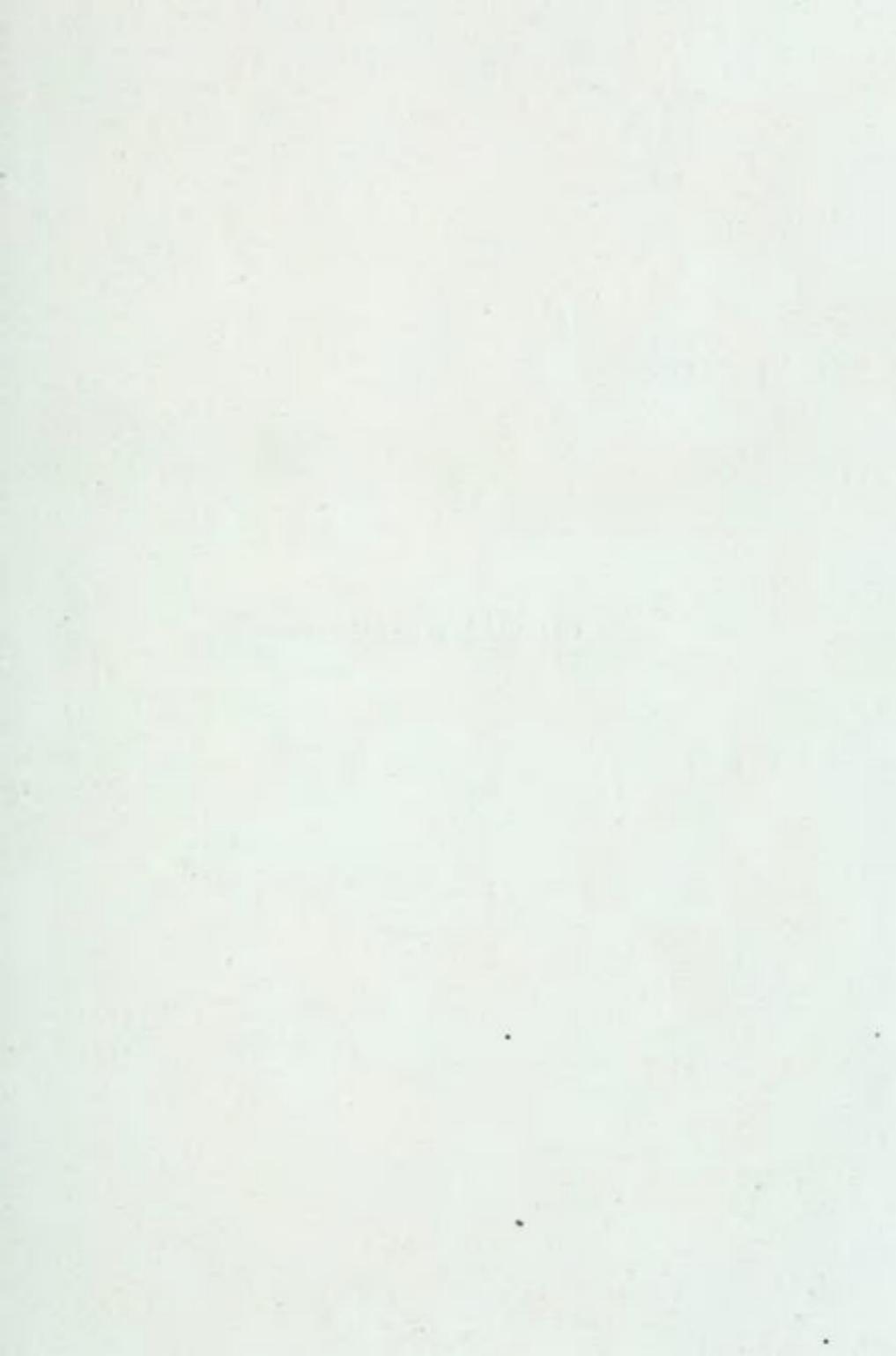
И, срываюсь, поють, что внизу загорятся какъ стихъ.

Упадаютъ съ высотъ, словно медь, предугаданный пчелами.

Извѣ невидимыхъ сотъ за звѣздой упадаетъ звѣзда.
Въ души къ малымъ взойдутъ. Запоютъ, да пребудутъ весолыми.
И горятъ какъ цвѣты. И горятъ Золотая Орда.

1908. Ночи Зимы!л.
Долина Березъ.

ТРИНАДЦАТЬ ЛУНЪ.

I.

ЯНВАРЬ.

Славянскій Просенецъ, въ сосулькахъ весь, Январь,
Какъ будто Новый Годъ, какъ будто смотрѣть въ старь,
Поставленъ Декабрь, и словно въ правду царь.

Морозить, и казнить, иносить горностай,
Пощады отъ него въ лѣсу не ожидай,
А все же знасть самъ, что будеть Мартъ и Май.

Хотя у Января и дологъ бѣлый зубъ,
Хотя золотомъ лучай по-старчески онь скунъ,
Труби въ мятель-трубу,—что толку въ ревахъ трубъ?

Едва Январь вошелъ въ хрустальный свой дворецъ,—
Раскрыла чуточку Весна цвѣтной ларецъ,
И стали дни рости и пять Замѣ конецъ.

Поють они, поють, и лучъ на нихъ блеснетъ,
Поють они, что вотъ сиѣжинкамъ спутанъ счетъ,
Что льды-то хороша, а тасть все-же и ледъ.

И слушасть Январь, блѣднѣсть, побѣль,
Синѣсть, весь застыль, увидѣль свой предѣль,
Такъ, Просенецъ, синѣй, конецъ тебѣ присиѣль.

II.

ФЕВРАЛЬ.

Февраль—Съченъ, Февраль—печаль,
 Короткій день, а для намъ жаль,
 Короткій день, и длится ночь.
 Тутъ какъ мѣилъ? Тутъ какъ помочь?

Февраль, онъ крутъ, Февраль, онъ лютъ,
 Ему липъ вѣтры стихъ поють,
 Сѣчть онъ сиѣгомъ лица намъ,
 Сѣчть онъ зиму пополамъ.

Февраль—предатель. Бойся тотъ,
 Кому Февраль тепломъ дохнѣть.
 Онъ грѣсть часъ, въ обманахъ дней,
 Чтобъ ночью было холодней.

III.

МАРТЬ.

Мартъ капризный, Мартъ безумный, Итальянцы говорять,
Мѣсяцъ тотъ, что предъ Апрѣлемъ—такъ его, боясь, крестятъ.

Стонуть мартовскія кошки, въ нашемъ сердцѣ и на крыши,
И сказать намъ невозможно, гдѣ свирѣпѣ, гдѣ тише.

Мартъ у матери взялъ шубу—продалъ мѣхъ на третій день,
Мартъ невѣрный, Мартъ смѣется, Мартъ рыдастъ, смеѣтъ и тѣнъ.

Мартъ ворчитъ какъ старый старецъ, Мартъ лепечеть какъ ро-
бенокъ,
Мартъ приходитъ львомъ могучимъ, а уходить какъ ягненокъ.

Входить въ кровь и въ сновидѣнья, влажнымъ дѣлаетъ нашъ
взглядъ,
Мартъ безумный, Мартъ безумный, Итальянцы говорятъ.

IV.

АПРѢЛЬ.

Апрѣль—разычный Цвѣтенъ,
Апрѣль—сплошной Егорьевъ день,
Въ упорной схваткѣ свѣть и тѣнь.

Пучинный мѣсяцъ, живъ приливъ,
Разливъ широкъ, потокъ красивъ,
Отъ мига—часъ для новыхъ ппль.

Послѣднихъ льдинокъ тонкій звонъ,
Призѣтъ крылатыхъ завершенъ,
Поютъ и вѣютъ, вступаютъ въ сонъ.

Но все жь, хоть много сновъ зажглось,
Двѣнадцать разъ сѣдой Морозъ
Посеребрить луга, откосъ.

И будетъ рыжая Луна,
Врагиня грезъ, она страшна,
Цвѣтамъ въ ней ржавчина одна.

Но если холодъ—лиходѣй,
Егорій есть въ разливѣ дней,
Зашита травъ, полей, звѣрей.

На бѣломъ ъздитъ онъ конъ,
И щить его въ живомъ оги,
Сѣдло въ цвѣточной пеленѣ.

Онъ появляется въ лѣсахъ,
Весь въ красномъ золотѣ, въ звѣдахъ,
Златые кудри—въ жемчугахъ.

И звѣрю онъ даетъ наказъ,
Пчолѣ велитъ, чтобы зажглась,
Покинувъ улей въ ранній часъ.

Егорій ёдетъ—слышишь громъ?
Егорій рушитъ водоемъ,
Егорій, пѣсь тебѣ поемъ.

V.

МАЙ.

Май, Май,
Свѣтлый рай,
Обнимай да не замай.
Май, Май,
Цвѣтличикъ,
Въ рощѣ свѣтленыкій лужокъ.

Май, Май,
Свѣжий сонъ,
Колокольцевъ иѣжиной звонъ.
Ландышъ здѣсь,
И ландышъ тутъ,
Это ландышни поютъ.

Май, Май,
Иѣжиной весь,
Шопотъ тамъ, и смѣхи здѣсь.
Какъ струна,
Изъ вѣтвей,
Звонко кличать соловей.

Май, Май,
Ты—Весна,
Ты—оконико для зерна.
Вдругъ пошлемъ
даже снѣгъ,
На часокъ, для большихъ иѣгъ.

Май, Май,
 Ты хорошъ,
 Не забыть ни цвѣтъ, ни рожь.
 Май, Май,
 Ты—уста,
 Трепетъ тѣла, красота.

Май, Май,
 Въ коноплю,
 Въ ленъ влагаешь ты „Люблю“.
 Сказокъ рабъ,
 Урожай,
 Попѣлуй насъ, Май, Май.

VI.

ИЮНЬ.

Июнь, непостажно-короткая ночь,
 Вся прозрачна, вся просвѣтлена.
 Кто родится въ Июнѣ, никакъ одному не сумѣть помочь:
 Въ душѣ его вѣкъ будешь греза влюбленная,
 Душа его будешь безсонная.

Въ зеленомъ Июнѣ цвѣтутъ всѣ цвѣты,
 Густѣеть осока прохладными свитками,
 Бѣлѣеть купава, какъ стынущій ликъ чистоты,
 Дрема вѣщаетъ вѣщательность сонной мечты,
 О маленькомъ счастлии безмолвную рѣчъ съ маргаритками
 Ведетъ незабудка, въ шепчетъ: „Припомнишь ли ты?“
 Цвѣтеть въ любовь почивая фіалка пахучая,
 И рдѣютъ сердечки гвоздикъ луговыхъ.
 Кто въ Июнѣ войдетъ въ этотъ міръ, каждый цвѣтъ, его сладостно
 мучая,

Будетъ сердцу внушать, что любить нужно ихъ,
 Эта сны, лепестки, и душа его станеть пѣвучая,
 Расцвѣченная, жгучая.

И въ Июнѣ, въ Иванову ночь,
 Онъ искать будеть панороть-цвѣтъ,
 На вопросъ невозможный—желанный отвѣтъ,
 На вопросъ, что, мелькнувъ, ужъ не скроется прочь.
 И Иванова ночь озаренная

Дасть, быть можетъ, огонь алатоцвѣтный ему,
Чтобъ удвоить, за мигомъ сіянія, тьму,
Чтобъ въ единственный часъ,
Гдѣ минута съ минутой—какъ искра спаленная,
Тайный папороть-цвѣтъ, палучившись, погасъ,
Чтобъ въ душѣ его пѣсни задрожала стозвонная,
Чтобъ душа его стала безсонная.

VII.

ЮЛЬ.

Юль—верхушка Лѣта,
Въ поляхъ, въ сердцахъ—страда.
Въ цвѣту—всѣ волны свѣта,
Цвѣтеть—сама вода.

Цвѣтеть всѣ ярко-ярко,
Распластенъ самый день,
Всѣ дышать жарко-жарко,
Жужжать, и жгетъ слѣпень.

Въ Юль хотъ раздѣнья,
Не станеть холоднѣй.
Гроза, вскипи и вслѣнья,
Спусти дождей съ цѣпей.

Такъ ноютъ ноги, руки,
О, Лѣта переломъ,
Мнѣ легче эти муки,
Когда я съ кѣмъ вѣвоемъ.

Сій же мнѣ, зарница,
И молней мнѣ будь,
Лети же въ сердце, птица,
Открой мнѣ въ Вѣчность грудь.

Греми же, колесница
Вѣчнаго Ильи,
Окутай, огневица,
Всѣ помыслы мои.

VIII.

АВГУСТЬ.

Зарничникъ, Заревъ, Ленорость,
Дожать, вспахать, посѣять,
Пожары сель, паденье звѣздъ,
Пожары листьевъ, звѣздный мостъ.
Куда? И что лолѣть?

Серпы нагрѣты, а свѣжий,
Чѣмъ было тамъ, въ Іюль,
Всѣ пѣсни спѣты, и слышній,
Чѣмъ пѣсня, крики журавлей,
Вонъ, въ Небѣ потонули.

Уѣкновеніе главы
Великаго Предтечи,
Успеніе, Спасы, всѣ-ли вы
Собрали все съ стеблей травы,
И всѣ ль свершились встрѣчи?

Намъ много ль яблоковъ дано,
Орѣховъ, урожая?
Копейка, хлѣбъ, закромъ, гумно,
И спова брошено зерно,
И озимъ—вотъ, живая.

Но были ласточки—и пѣть,
Цвѣтокъ пылалъ—и гдѣ же?
Онъ въ листьяхъ, въ мертвыхъ—пламецвѣть,
Странгутъ овецъ, и Годъ одѣть,
Но рѣже Солнце, рѣже.

IX.

СЕНТЯБРЬ.

Всё Лето проводили,
И какъ будто легче намъ,
Все скосили, въ полной силѣ,
Все пожали, по домамъ.

Вѣтерки отъ полуночи
Попрокладнѣй понеслись,
Это Осень смотрѣть въ очи,
Эй Сентябрь, не холодись.

Хоть готовы намъ кафтаны,
И дрова для всѣхъ печей,
Ты въ ползучіе туманы
Лучъ послѣдній свой пролей.

Ишь, послушай. Бабье лето.
Девъ недѣли есть тепла.
Паутинки въ морѣ свѣта,
Даль прозрачная свѣтла,

Золотые въ сердцѣ слитки,
Шутить Масъ сѣдина,
Взгляды, первыя засидки,
Ты откуда, пѣснь, слышна?

Не рабина ли запѣла,
Что красиѣтъ красота?
Или отдыхъ послѣ дѣла?
Или Вздвиженіе Креста?

Ужь не знаемъ, только праздникъ,
Въ Небѣ, въ сердцѣ, золотой.
Эй Сентябрь, да ты проказникъ,
Ну, всесвѣтилъ бабій, спой.

Х.

ОКТЯБРЬ.

Снѣгъ несѣрный, листопадъ,
Свѣтлой Осени закатъ,
Пьяный Свадебникъ, оброкъ,
Закругляющійся срокъ.

Кто дожилъ до Октября,
Поработалъ опѣ не зря,
Въ Октябрь, какъ въ Мартъ, въ насы
Живо сердце, умъ погасъ.

Въ Октябрь-то, примѣчай,
Хать и грязь, а словно Маѣ,
Вотъ какъ сваты будуть захѣсь,
Путь означится миѣ весь.

Землянки въ Октябрѣ
Не ищи ты по зарѣ,
А рабана—есть, горька,
Да сладка въ рукахъ дружка.

Не ищи ты и цвѣтовъ,
По зазимью, на Покровъ,
Да ужъ есть одинъ цвѣтокъ,
Миѣ дружокъ сказалъ намекъ.

Посылаетъ онъ, Покровъ,
Дѣвкѣ—словъ, землѣ—снѣговъ,
Землю выбѣлить онъ тутъ,
Четко, въ церковь поведутъ.

Бѣлка смынитъ шерсть,—чиста,
Скрученъ ленъ,—дождусь холста,
Необлыжною зимой,
Знаю, милый, будешь мой.

XI.

НОЯБРЬ.

Божий кузнецъ,
 Дороги и рѣка куетъ,
 Зимъ изо льда онъ готовить ларецъ,
 Алмазы вбивасть въ холодный вѣнецъ,
 Разсыпавши снѣгъ, разукрасивши ледъ,
 Звонко кустъ.
 Бѣлая кузнница—міръ,
 Весь оковалъ,
 Въ иней не разъ и не два одѣвалъ
 Поло и лѣсъ,
 Кличеть матели на пиръ,
 Смотрять на яркія звѣзды Небесъ,
 Словно и имъ онъ дороги мостить,
 Звѣзды по снѣгу, и звѣзды воинъ тамъ,
 Думаетъ, думаетъ, вдругъ засвиститъ,
 Мчится, летить, по лѣсамъ, по кустамъ,
 Снова—ковать, и гвоздить, и гвоздить,
 Гробъ, что ли, намъ?
 Сваномъ бѣлимъ въ ночахъ шелестятъ,
 Искрится бѣлая смерть по снѣгамъ.

ХII.

ДЕКАБРЬ.

Все покрылъ бѣлоснѣжнымъ уборомъ,
Завершилъ круговороти силь,
Вмѣстъ съ звѣздами ходитъ дозоромъ,
Не забыть ли чего? Не забылъ.

Усыпилъ мертвцовъ по могиламъ,
Почивайте до лучшаго дна,
И видѣньемъ скользить бѣлокрылымъ,
И проходить цѣпями звени.

За Зелеными Святками въ Бѣлыхъ
Онъ ведеть приговорную рѣчъ,
Предстать въ зеркалахъ помертвѣлыхъ,
Въ заклинанья колдующихъ встрѣчъ.

И гадасть, пугасть, гадая,
И счастливить, вопросъ угадавъ,
И мѣняется сказка сѣдая
Надъ забвеньемъ загрезившихъ травъ.

Достигаетъ кратчайшаго свѣта,
И съ ночами ведеть хороводъ,
Повернеть вмѣстъ съ Солнцемъ на Лѣто,
Съ Новымъ счастьемъ, Земля, Новый Годъ.

XIII.

ТРИНАДЦАТЫЙ.

А кто же тотъ Тринадцатый?
 Онъ опрокинулъ счетъ?
 А кто же тотъ Тринадцатый?
 — Я вашъ отецъ, я Годъ.

Не я ли вамъ въ кружени
 Дасть вѣдать бытіе,
 Въ различномъ выявленіи
 Различное свое?

И дасть въ цветы вамъ—снѣжности,
 И дасть въ снѣга—цвѣты,
 Свирѣль печали—въ пѣжности,
 И звѣздъ для темноты.

Не я ли дасть сливаться вамъ
 Изъ круга въ кругъ другой,
 Не я ли дасть сплотиться вамъ
 Какъ радугой—дугой?

Не я ли вамъ дасть свободными
 Сквозь три и десять быть,
 Со днями хороводными
 Сквозь нечесть честь любить?—

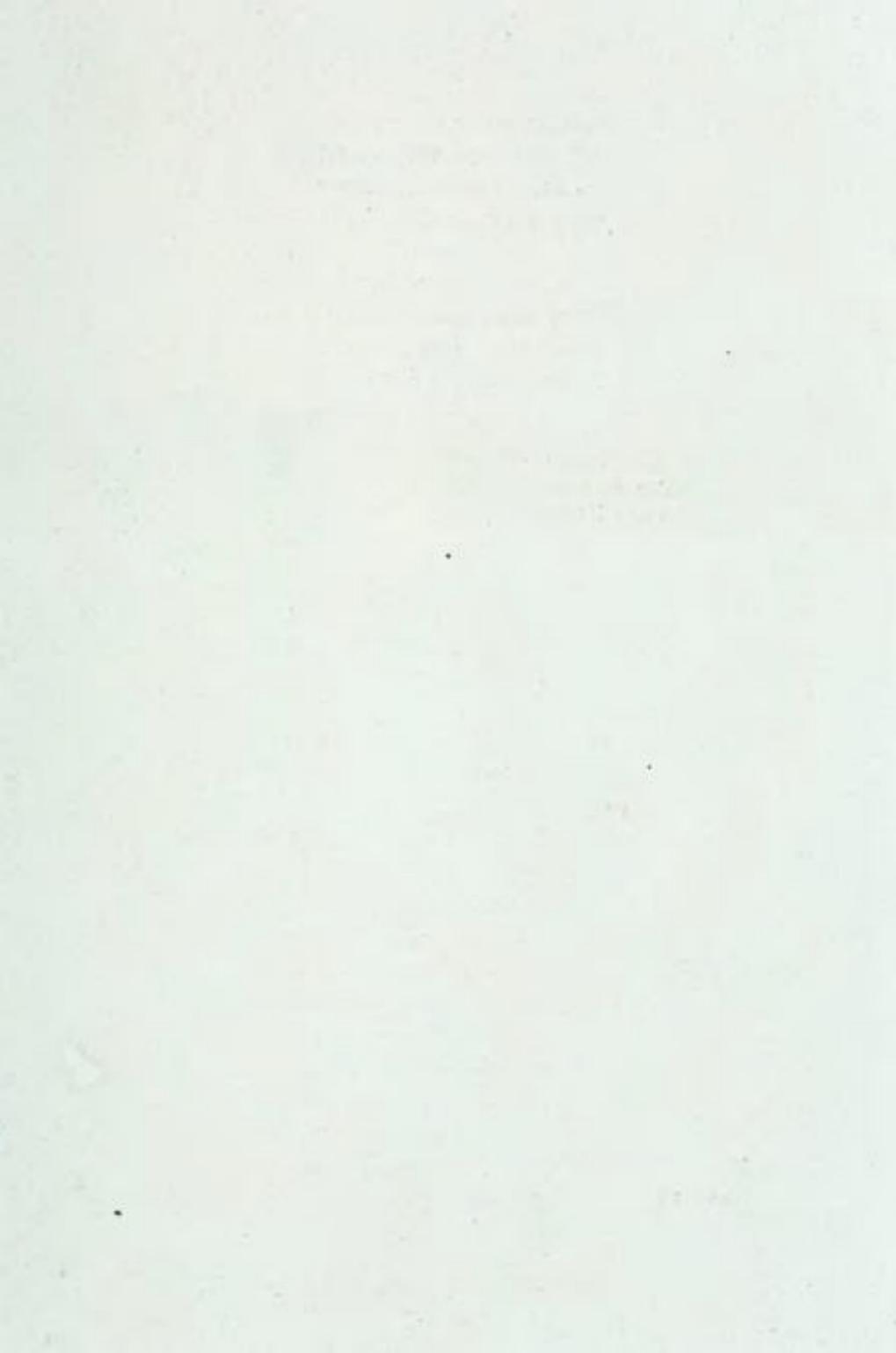
Тринадцатый да славится,
Имъ весь оправданъ счтъ!
Въ вѣка вѣковъ да явится
Вѣнчаннымъ мудрый Годъ!

Да славится Тринадцатый,
Кѣмъ живъ нашъ хороводы!
Да славится Тринадцатый,
Круговозратный Годъ!

1907. Ночи Осенния.

Soulac-sur-Mer.

Villa Ave Maria.

МАЙЯ.

I.
ИГРАТЬ.

Играть на скрипкѣ людскихъ рыдаий,
 На тайной флейтѣ своихъ же болей,
 И быть воздушнымъ какъ мигъ сиданій,
 И нѣжнымъ — иѣжнимъ какъ цвѣтъ магнолій.

А послѣ? Послѣ — не существуетъ,
 Всегда есть только — теперь, сейчасъ,
 Мгновеніе вѣчно благовѣстуетъ,
 Секунда — атомъ, живой алмазъ.

Мы расцвѣтаемъ, мы отцвѣтаемъ,
 Безъ сожалѣнья, когда всѣ мыслемъ,
 И мы страдаемъ, и мы рыдаемъ,
 Когда считаемъ, когда мы числимъ.

Касайся флейты, играй на скрипкѣ,
 Укрась алмазомъ вверху смычокъ,
 Сплети въ гирлянду свои ошибки,
 И кинь, и въ плиску, въ намекъ, въ прыжокъ.

II.

ЕГИПЕТЬ.

Заснула земля.
 Фаіль переполненный выпить.
 Задремавшіе Боги ушли въ Небосводъ,
 Гребцы корабля,
 На которомъ Египетъ
 Сквозь Вѣчность скользить по зеркальности Нельскихъ водъ.

Ушли Фараоны.

Ихъ нарядные муміи спать,
Предъ глазами людей восхищевыми.

Всѣ парные звоны
Смѣнились напѣвомъ цикадъ.

Лишь звѣзды блестятъ и блестятъ надъ песками, самуомъ взмо-
танными.

И Сфинксъ все глядитъ.

И Сфинксъ все есть Сфинксъ неразгаданный.
Въ зыби вѣковъ, что бѣгутъ и бѣгутъ впередь.

И вокругъ пирамидъ
Жизнь живеть, веселый воздухъ весь ладанный,
Нель течеть, и папируса иѣть, но лотосъ расцвѣль голубой.

III.

ОАХАКА.

Жасминный сонъ въ саду мимозовомъ
И многоразно цветовомъ,
Подъ Небомъ безднымъ, Небомъ звѣзднымъ,
Гдѣ много дружныхъ звѣздъ вдвое сѣмь.

Весенний садъ акацій бѣлыхъ,
И апельсиновыхъ вѣтвей.
Помедлив, Почь, въ своихъ предѣлахъ,
О, тише, тише, вѣтеръ, вѣй.

Мы здѣсь въ странѣ, гдѣ, въ Смерть вступала,
Кестцалькоатль вошелъ въ костеръ,
А съ краю Моря, золотал,
Звѣзда взошла, и пѣль ей хоръ.

Перистый Змѣй, онъ сжегъ все тѣло,
Но сердце въ пламени — живеть,
И до верховнаго предѣла
Восходитъ въ синій Небосводъ.

И тамъ гора есть міровая,
На ней верхи — какъ города,
На ней все Небо, отдыхая,
Глядитъ, какъ свѣтится звѣзда.

На той чертѣ, гдѣ слиты вмѣстѣ
Земля и Небо и Вода,
Какъ въ храмъ идеть женихъ къ невѣстой,
Въ лазурной тьмѣ идеть звѣзда.

И пѣжий — пѣжный, паутинный,
Доходить свѣтъ въ весенний садъ,
Покровъ лучей, и сонъ жасминный,
Сплетенный Вѣчностью обрядъ.

IV.

ЦВѢТОКЪ ЦВѢТКУ.

Цвѣтокъ цвѣтку, съ пчелой звенящей,
Шлѣть золотистую пыльцу.
И къ отдѣленному концу,
Надъ обнаженностю въ чащѣ,
Несется, съ бабочкой летящей,
Пахучесть думъ, двойной расцвѣть,
Восторгъ цвѣтенья, свѣтлый слѣдъ,
Воздушность пляски въ зыби струйной,
Духъ благовонья поцѣлуйный.

Не такъ ли я тебѣ пишу
 Мое воздушное посланье,
 Которой — сердцемъ я дышу,
 Къ которой — въ сердце я дышу,
 Съ которой тонкосъ сліянны
 Мнѣ общность мотылекъ
 Мояхъ прѣтисто-струнныхъ строкъ,
 Качанье лунного дыханья,
 Дабы возникъ медвяный сокъ,
 Жасминовый духъ благоуханья.

V.

ПѢСНЬ ЗВѢЗДЫ.

Съ первымъ солнцемъ, съ первой пѣсней всшняго дрозда
 У меня въ душѣ запѣла звонкая звѣзда.

— Какъ, звѣзда? Но звѣзды свѣтятъ, вовсе не поютъ. —
 О, поютъ, лишь только въ сердцѣ пѣснѣ дай пріютъ.

Ты услышашь и увидашь, что съ всчернѣй иглой
 Звѣзды тихо запѣваютъ въ тверди голубой.

И можъ тѣмъ какъ Почь проходить въ синей высотѣ,
 Пѣснь Созвѣздій звонче, громче въ тошкой красотѣ.

Звонкихъ громовъ, тонкихъ звоновъ выпива полна,
 Тамъ серебряное море, глубина бесь дна.

Тамъ безбрежность ожерельныхъ, звѣздныхъ волнъ поетъ,
 Отъ звѣзды къ Созвѣздью нѣжность, сладкая какъ медъ.

Отъ звѣзды къ звѣздѣ стремленье — въ бриліантахъ пѣть,
 Луннымъ кампемъ засвѣтиться, паутинѣ сѣть.

Паутинить паутинки тѣхъ тоичайшихъ сновъ,
Для которыхъ въ нашихъ взорахъ пиръ всегда готовъ.

Погляди-же, ближе, ближе, здѣсь въ мон глаза.
Ты не видишь какъ поеть тамъ звѣздно бирюза?

Ночь весеннюю я слушалъ до утра звѣзду,
И душа открылась Солнцу, и тому дрозду.

И душа открылась сердцу, твоему, любовь.
О, скорѣй на звѣздный праздникъ сердце приготовь.

VI.

ЛАНДЫШИ.

Ландыш вы бѣлоснѣжные,
Не соты-ль вы лунныхъ пчелъ?
Въ шестиугольныя келейки нѣжныя
Заоблачны сонъ вошель.

Вы сладство, радостно дышите,
Душестый лелѣя сонъ.
Звоните тихонько, въ слышите,
Лапы вы тотъ слышите звонъ.

Нѣть, ис только. До самаго звѣзднаго
Неба, гдѣ Помиочь — блѣдна,
Гдѣ какъ будто бы въ чаражъ морознаго
Сиял сѣять Луна, —

Уходитъ напѣвами вольными
Колокольный вашъ прозрачный звонъ,
Надъ тѣнями березъ тоикоствольными,
Призывал на свой амвонъ.

Проникаясь душесто молебнами,
 Вплоть до лунныхъ звоните вы сель,
 И звонами томко-хвалебными
 Отвѣтствуютъ сонмы пчель.

Съ Луною пчелы прощаются,
 И внизъ скользятъ по струнѣ,
 Въ ландышъ внутрь помѣщаются,
 И тихонько жужжатъ къ Лунѣ.

Вогъ видашь, въ дома шестигранные,
 Въ сиѣжистость, въ душестость вошли,
 Золотистыя, малыя, странныя,
 Ихъ не слышно въ цветочной пыли.

Но не слышно лишь памъ. Все же въ волнины,
 Если почю близъ ландышей мы,
 Словно въ пѣпья мы, въ мѣйны, въ моленіи
 Бѣлозвонной мглы — полутыми.

VII.

ЛІШЬ БОГЪ.

Лишь Богъ — творецъ, лишь Богъ — всеврашій,
 Лишь Богъ — наль захрами планетъ,
 За илми, въ нихъ, всадѣ, въ грозящей
 Проказной мглѣ, и въ травкѣ спящей,
 Въ орѣ, и въ ласточкѣ летящей,
 Лишь Богъ — поэты.

Гремите, солнечныя струны,
 Звоните, лютни блѣдныхъ лунъ,
 Пропойте „Богъ“ въ моряхъ, буруны,
 Запомпимъ всѣ, пока мы юны,
 Начальный звукъ вѣчальной руны:
 Лишь Богъ — колдунъ.

VIII.

ДЛЯ ЧЕГО?

— Для чего вамъ Солнце засияло сего дня?
 — Для радости зреял ликъ Господня.
 — Для чего же оно горѣло вчера?
 — Для радости зреял ликъ Господня.
 — А завтра зачѣмъ? — Чтобы воскликнуть: Пора!
 Будемъ въ радости зреял ликъ Господня.

IX.

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ.

Poiché vivo per te solo.

Люблю тебя, люблю какъ въ первый часъ,
 Какъ въ первый мигъ писанной нашей встрѣчи.
 Люблю тебя. Тобою я зажглась.
 Въ моей душѣ немолкнущія рѣчи.
 И какъ мою любовь я назову?
 Восторгомъ-ли? Мученiemъ-ли? Борьбою?
 Ей нѣть конца, покуда я живу,
 Затѣмъ что я живу однимъ тобою.

X.

СТРУННОСТЬ.

Ob quanto ti amo.

Завершены часы священныхъ оргий.
 Я зналь. Любиль. Безумствую. Люблю.
 Застынь, какъ ты, въ паническомъ восторгѣ,
 Бенія моихъ терзаний даю.

Благоговѣйно, гимнами хорала,
Во мнѣ поеть безсмертная любовь.
Не говори, что блеска въ жизни мало.
Благослови. Любя. Не прокословь.

XI.

РАЗСѢТЬ.

Съ первымъ птичьямъ кракомъ Ночь сломалась,
Зеркало хрустальное разбилось,
Травы зашептались, чуть шурша.
Въ озерѣ все Небо отражалось,
Полночь въ безглагольномъ отразилась,
Тихая, въ безгласномъ задержалась,
Капли звѣздъ изъ звѣзднаго ковша.

По руки незримая качнулась,
Звѣздное качнула коромысло,
Капля съ Неба свѣллась къ Землѣ,
И одна былинка шевельнулась,
Измѣнивъ серебряные числа,
Вся сребристость въ числахъ пошатнулась,
Птицу разбудивъ въ росистой мглѣ.

Вскликнула, и съ легкимъ этимъ синистомъ
Цѣлый замокъ рушася молчанья,
И раздался всюду тонкий звонъ.
Птичій хоръ напѣвомъ голосистомъ
Двинулъ звуковыя колебанья,
Шевельнуль затопомъ серебристымъ,
И румянецъ бросилъ въ небосклонъ.

XII.

АУ.

Твой нѣжный смѣхъ былъ сказкою измѣнчивою,
 Онъ звалъ, какъ въ сонъ зоветъ свирѣльный звонъ.
 И вотъ вѣнкомъ, стихомъ тебѣ увѣличиваю,
 Уйдемъ, бѣжимъ, вдвое, на горный склонъ.
 Но гдѣ же ты? Лишь звонъ вершинъ позваниваетъ.
 Цвѣтку цвѣтокъ средь дая зажегъ сѣчъ.
 И чай-то смѣхъ все въ глубь меня заманиваетъ.
 Пою, ищу, „Ау! ау!“ кричу.

XIII.

МАЙЯ.

Я тебя восхвалляю, о, Майя живая,
 Трепетомъ струнъ.
 Ты свой кругъ завершаешь, въ сіяньяхъ вступаешь
 Въ тринадцать Лунъ.
 Ты вездѣ со мною, гдѣ любовь огневала
 Мишечеть: Ты юнь.
 Ожерелье сплетешь, но жемчужины, тая,
 Лютятся въ буринъ.
 И буря хохочешь, какъ вѣдьма сѣдая,
 Какъ злой колдунъ.
 И буря разъялась, ты вновь голубая,
 О, Майя, ты снова идешь, круговая,
 Въ тринадцать Лунъ.

1908. Апрѣльскія Зори. Птичий голоса.
 Долина Березы.

ГОЛУБАЯ ПТИЦА.

I.

ГОЛУБАЯ ПТИЦА.

Я живу въ дворцѣ, чье имя—Царство Мая.
Прилетасть къ окнамъ Птица голубая,
Крылья у нея и перья—цвѣта днѣй,
Цвѣта голубыхъ пространственныхъ зыбей.
И поеть та Птица. Говорить про время.
Миѣ какъ будто капли падаютъ на темя.
Будто синихъ молний жгутъ меня лучи.
Дождь ли раскаленный? Не могу понять я.
Но, закрывъ глаза, колдую я:—Молчи.
Вотъ, кому-то снова я раскрылъ объятья.
Губы, въ поцѣлуѣ, шепчутъ:—Навсегда.
Взоры, пріоткравшились, мечтуть блескъ заклятья.
Изумрудны листья. Говорить вода.
Исчезаетъ въ даляхъ Птица голубая.
И другія птицы плещутъ въ Царствѣ Мая.

II.

ИДУНА.

Тамъ, гдѣ древо міровое,
Тамъ, гдѣ ясень Игдразиль,
Слышно пѣніе жевое,
И какъ будто звонъ кадиль.

Это—пѣніе Идуны,
И когда ты невзначай,
Проходя, услышашь руны.
Вложишь въ струны вѣчный Май.

Это—пѣсіе Идуны,
На узорчатыхъ вѣтвяхъ,
Тамъ, гдѣ яблоки—какъ луны,
И какъ солнца въ облакахъ.

Это—пѣсіе Идуны,
Чей напѣвъ—рожденье струй,
Чьи глаза, лазурно-юны,
Необманимъ поцѣлуй.

Кто, любя расцвѣты въ мірѣ,
Къ Игразилу подойдетъ,
Тотъ увидѣть лицъ валикирій,
Изопять душестый медъ.

Кто съ Луной и съ Солнцемъ въ мысли
Отъ зари и до зары,
Глянь, здѣсь яблоки нависли,
Встань, цѣлуй, люби, бери.

Это—пѣсіе Идуны,
Вѣрь въ согласный звонъ кадиль,
Дымъ отъ жертвы и возгласъ юныхъ
Вѣчно въ Небо доходилъ.

III.

ЛЕНЬ.

Ленъ двѣ недѣли цвѣтеть,
Спѣсть четыре недѣли,
На седьмую же сѣмь летить.
Ленъ—голубой небосводъ,

Ленъ—во влюбленномъ Аурѣѣ
 Звонъ предразсвѣтной свирѣли,
 Въ лунной ночи сталактить.
 Ленъ—голубой онъ и бѣлый,
 Это есть два,
 Ленъ въ міровые уходитъ предѣлы,
 Всюду сіяеть его синева,
 Это четыре,
 Ибо четыре есть таинства въ Мирѣ,
 Сѣверъ и Югъ и Востокъ и Закатъ,
 Бѣлый и черный и красный и златъ,
 Если жь въ пещеру мою, гдѣ горятъ
 Луною множество пламъ,
 Если въ пещеру
 Ленъ поглядитъ,
 Вотъ, мы исполнимъ мѣру,
 Семь засвѣтилось, живеть сталактить.
 Сѣмѧ летитъ,
 Свѣтится нѣжная блѣдность лица,
 Весь осиянъ голубой небосводъ,
 Девять въ немъ лунъ,—
 Чтобы дополнился счетъ.
 Ленъ двѣ недѣли цвѣтеть,
 И чь же не будетъ ковца.

IV.

ВЪЧАНИЕ.

Въ саду проходить юный,
 Съ нимъ рядомъ молодая.
 Въ вѣтвяхъ звенѣть имъ струны,
 Ручей, съ камней спадая,
 Постъ, постъ, постъ,

Въ цветахъ имъ свѣтлый моль.
Невѣста—Полночь Мая,
Женихъ, онъ кто? Узнай.
Онъ День, а, можетъ, Май?

На немъ одежды красны,
На ней одежды черны.
По оба такъ согласны,
Взаимности покорны.
Цѣлуетъ онъ со,
„Ты все, ты все мое“.
Ея мечты узорны,
Какъ брилліантъ она
Въ оправѣ черной сна.

Женихъ—свѣтловолосый,
Глаза его—зелены,
У ней же черны косы,
Глаза ея—затоны,
Въ нихъ свѣтлая печаль,
Прозрачны, чѣмъ хрусталь.
Въ саду проходять звоны,
Поютъ цветы, дыша:
„Вѣбленность хороша“.

Весь Май процѣловались,
Въ Іюнь зашли, не зная,
Заря съ зарей встрѣчались,
Любовниковъ встрѣчал.
И свѣтъ вошелъ во тьму,
И все отдавъ ему,
Блѣднѣя, Полночь Мая
Съ Іюньскимъ иѣжнимъ днемъ
Растаяла огнемъ.

V.

СЕМИКЪ.

Сомицкая недѣлѧ—зеленая, русальнаѧ,
 Часы Зеленыхъ Святочкъ, во всемъ году сдавныя,
 Въ душѣ тоскуешь сказка, влюбленаѧ, печальная,
 И быстро разрѣшится въ тѣ ночи воробынныя.
 Воть дѣвушки. Куда они? Лѣсной мечтой дышать.
 Воть дѣвушки. Куда они? Кукушку провожать.
 Семикъ, четвергъ зеленый, березка завита.
 О чемъ же ты тоскуешь, стыдливая мечта?

Влечеть рѣка во влажность, течеть рѣка хрустальная.
 О, дѣвушки, куда вы? Русалки защекочутъ васъ.
 А если не войдете, прощай мечта вѣнчальная.
 О, дѣвушки, куда вы? Русалки захочочутъ васъ.
 Войдешь въ рѣку, забудешься, утонешь ты въ водѣ,
 Уйдешь отъ водѣ, и сонъ уйдѣсть, и пить его нигдѣ.
 О, дѣвушка, войди въ хрусталь, но въ воды травку кинь,
 Спасеть тебя одна трава, печаль, печаль, полинь.

VI.

ТѢЛО ИГРАЕТЬ.

Тѣло играѣть,
 Душа глядитъ.
 Тѣло въ лугахъ незабудки собираетъ,
 Тѣло уходитъ въ скитъ.
 Маки срываестъ, мѣняясь свой видъ,
 Въ страшности, въ страстности входить, взираетъ.

Въ полдни и въ ночи себя убирастъ,
 Выхватить можъ,
 Скажеть—хорошъ.
 Спастесь, запастесь безъ конца поцѣлуми.
 Брызгстъ—огни. И огни хороши.
 Вѣчныя струи.
 Все жь у души
 Взора оно не смутить.
 Вотъ оно снова, по пыльной дорогѣ, на Храмъ собираетъ.
 Тѣло играстъ,
 Душа глядѣть.

VII.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Могучій рогъ, взогнутый и полный,
 Пьянящимъ медомъ—предо мной.
 Я пью, я пью, живительные волны
 Умчали душу подъ Луной.

О, Царь-Дѣвица, Лебедь вѣковая,
 Какъ искрометенъ этотъ медъ.
 Онъ старъ, онъ старъ, и потому, живая,
 Волна въ душѣ моей течетъ.

И этотъ рогъ, что ты, о, Царь-Дѣвица,
 Мнѣ подвесла, становится желаемъ.
 И я царю, и ты гориши, зарница,
 Мы будемъ моліей вдвоемъ.

И этотъ рогъ, что ты, о, Царь-Дѣвица,
 Мнѣ подвесла, становится рулемъ.
 И мы скользимъ, летить двойная птица,
 И мы плывемъ, и мы плывемъ.

VIII.

ЦВѢТЬ НОЧНОЙ.

Въ мозгъ мой, въ зрѣніе, и въ слухъ
Влился иѣжинъ женскій духъ.
И въ душѣ расцвѣть цвѣтка,
Имя — девичья тоска.

Этотъ ласковый цвѣтокъ
Между травокъ оденокъ.
Какъ вечерній слышень звонъ,
Голубой въ бѣлый онъ.

А какъ Ночь на высотѣ
Звѣзды мчить къ одной чертѣ,
Онъ, мѣняясь каждыя часы,
Смотрѣть глубью жадныхъ глазъ.

То засвѣтится какъ трутъ,
То блеснѣсть какъ изумрудъ,
То ласкательно-лучнѣсть
Задрожитъ какъ аметистъ.

Въ маломъ домикѣ пожаръ,
Въ храмѣ свѣчи — Божій даръ.
Опрокинувшиись въ водѣ,
Кличетъ въ глубь звѣзда къ звѣздѣ.

Въ спадахъ водѣ хрустальный звонъ,
Цѣлый лѣсъ завороженъ.
Въ безглагольности озеръ
Звѣздно-зыбкій разговоръ.

Л какъ Ночь на высотѣ
Отойдѣть къ своей чертѣ,
На прогалинѣ лѣсной
Расцвѣтасть цвѣтъ иной.

Синь какъ рдяность пѣжныхъ ранъ,
Застыдился, онъ румянъ,
Онъ горитъ, но хочетъ ждать,
Хочетъ вовсе краснымъ стать.

IX.

ЛУНЫЙ КАМЕНЬ.

Лунный камень, тихій пламенъ, тихій пламенъ, но простой,
То прозрачный, то туманный, среброткашный, золотой.
То скользящій, словно въ чащѣ лучь-фонарикъ свѣтляка,
То грозящій, словно въ чащѣ ждеть колдунъ изподтишка.
То какъ тайна Океана, что, сѣдой, бессмертию-юнь,
То какъ раній свѣтъ тумана, то какъ звуны дальнихъ струнъ.
То какъ раковина Моря, что какъ будто бы горитъ,
А какъ будто не для глаза, а для слуха говорить.
То какъ змѣйный свѣтъ опала, то какъ сказка жемчуговъ,
Какъ церковный звукъ хорала въ часъ спасенія отъ враговъ.
То какъ верба въ ночь ущерба, или въ первый мигъ серпа,
Лунный камень, струнный пламенъ, отъ тебя въ тайникъ тропа.

X.

МАЗУРКА.

Я видѣла, какъ ты танцевала мазурку,
Легко ты скользила въ волнѣ звуковой,
И вдругъ я увидѣла—Сиѣгурку—Сиѣгурку,
Расталза—тучкой летитъ предъ Луной.

Не Солнце пресвѣтлый твой ликъ озаряло,
 Луча соребристой Луны,
 И было воздушно твоо покрывало,
 И блѣдные пыли въ свѣрѣльностяхъ сны.

XI.

ВСЕЗВѢЗДНОСТЬ.

Я хотѣлъ бы быть послѣднимъ между первыми вождями,
 Я держаль бы стремя богу, видя сонмы звѣздъ надъ нами,
 Я служелъ бы какъ невольникъ тѣмъ, въ которыхъ все—свобода,
 Я бы каплей, каплей вспыхнулъ въ пресвѣченныи Небосвода.

XII.

ПО БЛѢДНОЙ ДОЛИНѢ.

По блѣдной долинѣ приходятъ, уходятъ, проходятъ несчетные духи,
 Тамъ юноши, взрослые, малые дѣти, и старцы идутъ, и старухи.

Съ Востока на Западъ, съ Заката къ Востоку, и спова на Западъ
 съ Востока,
 Приходятъ, уходятъ, и ходятъ, и бродятъ, но знаютъ ни часа, ни
 срока.

Встрѣчаясь, качаютъ они головами, и шепчутъ о благости Бога,
 И весь, проходя, проиграютъ цѣплю, и вѣчно, и вѣчно дорога.

И вдругъ отъ Востока на Западъ прольется разливное красное
 пламя,
 Одинъ усмѣхнется, другой ужаснется, но каждый почувствуетъ
 знамя.

И вдругъ отъ Заката къ Востоку вернется и злато, и бархатъ, и
 альбестъ,
 И духи считаютъ, колдуютъ, гадаютъ, пока не сомнѣтъ ихъ уста-
 лость.

Тогда, безконечно взывая о мести, о чести, о славѣ, о чаражѣ,
Несчетные духи, согбенно, проходяять, какъ тѣни, въ безмѣрныхъ
пожарахъ.

По блѣдной долинѣ, въ пустынѣ, какъ въ сплинѣ, доньши безум-
ствуютъ духи.

И юноши сѣды, и дралые дѣти, и юны, межъ старцевъ, старухъ.

XIII.

ЦАРИ СІЯНЬЯ.

... Цари сіянья отошли,
Они разгнѣвались на это.
И, старымъ, иѣть намъ больше свѣта,
Опь только тамъ, вверху, вдали.

Лазурные престолы пусты,
Всесцѣльность превратилась въ топь,
Въ периодическую дробь,
И мраки Ада цѣлко-густы.

Когда же окончится нашъ срокъ,
И снова будуть дни младые,
И снова стебли золотые
Изнесутъ лазоревый цветокъ?

XIV.

ОДИНОЧЕСТВО.

Я боялся людей, презиралъ, ненавидѣть ихъ,
Черезъ это прошелъ я, и рубежъ навсегда перешелъ,
Какъ могу вхъ винить, если Рокъ міровой всѣхъ обидѣть ихъ?
Я одинъ, но безгнѣво, надъ темными шествіями золь.

Здравствуй, еще и еще, Одиночество,
Я зажегъ тебѣ тихую вечернюю свѣчу,

И пѣмыя, какъ лампада, тайныя пророчества
Я качаю въ душѣ, и молчу.

XV.

ПТИЦА.

И птица отъ меня летѣла по Вселенной,
Когда я замолчалъ на темной высотѣ.
Внизу крутился валь, дробился, многопѣвный,
И птица отъ меня летѣла по Вселенной,
Непобѣдимая въ крылатой красотѣ.

Мелькали корабли, какъ тѣни въ тускломъ свѣтѣ,
Поднявши стержни мачтъ и зыбя паруса.
На каждомъ кораблѣ блѣднѣли старцы-дѣти,
И всюду братъ съ сестрой, сквозь сонъ тысячелѣтій,
Играли въ поцѣлуї, въ цвѣткѣ была оса.

Все было сказано. Кто хочетъ, будеть плѣнникъ.
Кто хочетъ, примѣтъ страхъ чрезъ Царскую Печать,
И будеть врагъ Земли, и будеть врагъ Вселенной.
Но валь къ скалѣ придется, и брызнетъ сказкой пѣвной.
И буду я стоять. И думать. И молчать.

1907. Много разъ. Съ высокой башни.
Париж. Пасси.

ПЛЯСКА ЗНОЯ.

I.

ОГЬ.

Хотя онъ похожъ на Огонь, онъ незримъ.
 Онъ былъ, когда не было жалобы:—„Было“.
 Вѣка передъ нимъ—какъ молитвенный дымъ.
 А Солнце и Звѣзды и Мѣсяцъ—кадила.

Онъ смотритъ въ сердца замолчавшихъ людей,
 Гдѣ страшныя вдругъ возстаютъ вереницы.
 Въ зрачкахъ онъ у тягровъ, въ улыбкахъ дѣтей,
 И въ маломъ онъ горлѣ распѣвшейся птицы.

II.

МѢСТО МОЕ.

Мѣсто мое—на порогѣ мгновенія,
 Дѣло мое—безпрерывное пѣнье,
 Сердце мое—изъ огня,
 Люди, любите меня.

Счастье мое—въ свѣтловзорной измѣни,
 Сказка моя—п въ глубинахъ, и въ пѣви,
 Голосъ мой манитъ, звуки,
 Звѣзды, любите меня.

III.

ПО МОРСКОМУ.

Въ Морѣ, съ Моремъ, по морскому,
Только грому помолаясь,
Я баюкаю истому,
Радость знать перунный часъ.

Было, будеть только это,
Радость лѣта и весны,
Брызги взрывчатаго сѣта
Съ бурно-взрытой выпины.

Радость молвій преломленныхъ,
Паръ стозвонныхъ павшихъ плетъ,
Алый храмъ въ моряхъ бездонныхъ,
И въ пожарѣ—Свѣтовить.

IV.

МИНУТКА.

Дать,
Взять,
Угадать.
То какъ другъ,
А то какъ тать.
Вѣчно дѣва,
Вѣчно мать,
Звукъ напѣва,
Лучъ мечты,
Крылья молній,
Это ты.

V.

АТОМЪ.

Атомъ—Ангелъ, вспышка въ Морѣ,
 Человѣка не хочу,
 Я оголь въ нѣмомъ узорѣ,
 Лучшій возгласъ въ разговорѣ,
 Въ мірѣ битвъ—молюсь мечу.

Дай мнѣ вѣчность—опрокину,
 Я есть я, и каждый—я,
 Не хочу входить въ картину
 Какъ черта, и, вольный, стыну,
 Но моя мечта—моя.

VI.

ОТЪ АТОМА.

Отъ атома—до человѣка,
 Отъ человѣка—до боговъ,
 И въ долгій вѣкъ Медыхиседека
 Отъ звона миговъ и часовъ.

Отъ неподвижности—въ самумы
 Взметенно-зоркой быстроты,
 Отъ тиши—въ грохоты и шумы,
 Въ разломы цѣльной красоты.

Да будетъ. Это все прѣмлю.
 Отецъ мой—Умъ, и Воля—мать,
 Но я слѣпиль изъ точекъ землю,
 Чтобы снова точки разметать.

VIL

АТОМЫ ВРЕМЕНИ.

Мы въ извивныхъ
Вспѣвахъ взрывныхъ,
Мы втекаемъ въ Да и Нѣть.
Мы въ Безликомъ
Ликъ за лицомъ,
Инѣй звуковъ, прахъ прымѣть.

Мы свѣченье,
Зыбь теченья
Въ Океанѣ міровомъ.
Дрожь въ памекѣ,
Малость, строки,
Буквы въ рунахъ, пѣснь въ мѣомъ.

Мы забытость,
Глянцевитость
Всеокружааго жерла.
Мигъ живемъ мы,
Но посмѣ мы,
И звучать колокола.

Мы спѣжинки,
Паутинки,
Въ каплѣ влаги—миллионъ.
Онъ рыдастъ,
Не считаетъ,
Но творимъ мы Небосклонъ.

Онъ смеется,
Въ тайнахъ вьется,
Все же знаемъ мы, кто Онъ.
Въ ликъ—отъ лака,
Въ пѣсль—отъ крика,
Въ хороводности Временъ.

VIII.

ПАЧЕРТАНИЯ.

Круговой полетъ планетъ,
Ихъ сплетенья въ темнотѣ,
Полосой идущій свѣтъ
Метеоровъ и комѣтъ,
Ужасающихъ примѣтъ
Въ говорящей пустотѣ.

Это все—мои черты,
Пачертанья вѣщахъ руны,
Это—я, и это—ты,
Чтобъ надъ бездной пустоты
Были звѣздные цвѣты
Въ нескончаемости струнъ.

IX.

ОГНЕННАЯ ЖАТВА.

Клокочеть огненное море,
Горятъ зловѣщи румяны,
На Солнцѣ рушатся въ просторѣ
Вскипаія чувствъ, протуберанцы.

Что въ Солнцѣ въ этотъ мигъ боролось?
 Узнать ли намъ, тѣниамъ пожара!
 Но въ немъ горѣлъ гигантскій колосъ,
 Свершилась жатвенная чара.

X.

СУХОЙ ПЕРУНЪ.

Сухой туманъ, когда цветеніе инвъ—
 Проклятье дней, хлѣбовъ плохой наливъ.
 У инвъ зарницы даже—на счету,
 Сухой Перунъ—сжигасть рожь въ цвету.

Сухой Перунъ—роняетъ въ травы ржу,
 И чахнетъ цветъ, что радовалъ межу.
 Перунъ желастъ молшій—изъ заринцъ,
 Небесныхъ—долженъ онъ пьянить дѣвицъ.

XI.

ПОЛОПЛІИНИКЪ.

— Почему ты, духъ свирѣльный,
 Вѣчно носишься, кружишься,
 Ии на мигъ не отдохишь?
 На качели ты матерью,
 Вправо, влѣво, къ дали мчишься.
 — Я—плѣненный.—Это что жъ?
 — Надо мнай обрядъ крещенія
 До святого завершенья
 Не быть доведень.

Потому что попъ былъ пьяный
Былъ онъ рваный и румяный,
Опрокинулъ свѣчи онъ.
Разукрасилъ крестъ цветами,
Говорить: „Веселье съ нами.
Благовѣстье бытія“.
И вина онъ налилъ въ воду:
„Это душамъ дастъ погоду“.
А погода, это—я.
— Что же дальше?—Я—влюбленный,
Дрожью звуковъ полоненный,
Въ брызгахъ, въ прихотяхъ Огня.
Рабъ себя, страстей свободныхъ,
Полонянникъ Чернородныхъ,
Носить Дьяволы меня.
Посижу—и вдругъ соскучусь,
Погляжу—совсѣмъ измучусь.
Гдѣ я? Что я? Запою.
Все по новому о старомъ.
Все бы дальше, все бы къ чарамъ,
Вѣю, рѣю, вѣю, вью.

XII.

МАКЪ.

Кто маки срываетъ,
Тотъ громъ вызываетъ,
Въ Брабантѣ сказали мнѣ такъ.
И вотъ почему я
Весь вздрогну, ликую,
Дрожу, запримѣтивши макъ.

XIII.

ДВЬ РѢЧИ.

Есть обходная рѣчь,
 Это—слова,
 Которыми жизнь въ сжедневномъ теченьи жива.
 А для единственныхъ встрѣчъ
 Двухъ созиравшихся душъ, или тѣль,
 Есть и другая, напѣвная рѣчь.
 Вѣтеръ ее памъ однажды проиѣль,
 Видя въ лѣсу,
 Между травъ,
 Какъ въ просвѣтленности пѣжныхъ забавъ
 Любовь цѣловала красу,
 Вѣтеръ ее прихотливо пропѣль,
 И закружился, и прочь уастѣль.
 Въ этой же чать
 Садъ былъ оть иблонь влюблюще-бѣль,
 И по Землѣ, въ отдаленный предѣль
 Сказка любви понеслась,
 Въ трепетѣ бѣзыхъ, и всякихъ цвѣтковъ,
 Въ пѣни птицъ, и людей, и громовъ.

XIV.

СТРѢЛА.

Говорить—полюби человѣковъ.
 Хорошо. Только какъ же мнѣ быть?
 Вѣдь родителей должно мнѣ чтить и любить?
 Кто же древаѣ—Атлантовъ, Ацтековъ,
 Ассирийцы, Халдеевъ, Варяговъ, Славянъ?
 Коль законъ—такъ законъ. Памъ онъ данъ.

Человѣковъ люблю—въ ипостаси ихъ древней,
 Глаза были ярче у нихъ, и рѣчи напѣній,
 Въ ихъ голосѣ слышался говоръ морей,
 Луной серебрились ихъ струны,
 О богахъ и герояхъ вѣщали имъ руны,
 И клинопись имъ возвѣщала о мощи великихъ царей.
 Но руны, и клинопись—стрѣлы,
 Острія,
 Бьющаго ютко, копья.
 Уходите же вы, что въ желаніяхъ блѣдныхъ не смѣлы.
 Человѣки, въ свои удалитесь предѣлы.
 Лукъ дрожитъ. Догона ихъ, вѣстунья моя.

XV.

ПЕРЕВАЛЪ.

Справа—горы, слѣва—горы,
 Справа, снизу, тамъ узоры
 Задремавшихъ сель.
 Слѣва—кручи, слѣва—тучи,
 Слѣва слышенъ зовъ пѣвучій,
 То прорвался ключъ гремучій,
 И завель,
 Мысль повелъ онъ по извиамъ,
 Въ быгѣ срывомъ и счастливомъ
 Пляшетъ онъ по склонамъ скаль,
 Вотъ запалъ,
 Вотъ юркнулъ,
 Въ царствѣ камня потонулъ,
 Снова, ящерицей, глянулуъ,
 Залукавилъ, промелькнулуъ,
 Снова скрытности оставилъ,

Вырось, поднялъ цѣлый гулъ,
 Закурчавилъ
 Гребни скалъ,
 И отъ сель,
 Миновавши переваль,
 Вѣво—вѣво онъ ушоль,
 И рокочстъ, не усталъ,
 И отъ высн въ самый доль
 Свѣжко-орыжющую влагу лентой свѣтлою провелъ.

XVI.

НЕБЕСНЫИ БЫКЪ.

На золотыхъ рогахъ
 Небеснаго быка,
 Въ синѣистыхъ облакахъ,
 Гдѣ вѣчная рѣка,—
 Въ лазурнѣ высоты,
 Слились живымъ вѣнкомъ
 Багряные цвѣты
 Надъ сумрачнымъ быкомъ.
 Возрадовался быкъ,
 Возниковаль, стена,
 Любить онъ не привыкъ
 Безъ громнаго огня.
 Онъ гулко возопилъ,
 И прокатился громъ,
 Какъ будто омутъ сель
 Взыгралъ своимъ жерломъ.
 Прорвались облака,
 Небесный глянуль лучъ,
 Три сотни для быка
 Коровъ стоять вокругъ.

И въ праздникъ огня
 До каждой есть прыжокъ,
 И каждая, стоя,
 Любовный знать срокъ.
 И сладостнѣ разрывъ
 Отъ острѣл любви,
 И много влажныхъ нивъ
 Въ заоблачной крови.
 А къ вечеру вдаль
 Зажглась въ выси звѣзда.
 И на почлегъ пошли
 Небесныя стада.

XVII.

ВѢДОГОНЬ.

У каждого есть вѣдогонь.
 Когда ты заспешь, онъ встаетъ,
 Въ крылахъ его дышеть полетъ,
 Осмотрится, дунетъ, идетъ,
 Окрѣпъ, улетасть, не троицъ.

Онъ воленъ, когда мы во снѣ.
 И разныи намъ видится сонъ.
 Вотъ птица, лазурь, небосклонъ,
 Но мы это видимъ, а онъ,
 И тонемъ мы съ нимъ въ вышинѣ.

Вотъ вѣтеръ бѣжать по цветамъ.
 Красивый съ красивой, ихъ два,
 Безсмертная сказка жива.
 Цѣлуестъ. И дышеть трава.
 Заснувшимъ такъ сладко устанъ.

Вотъ ссора, чудовищный видъ.
 Съ ножомъ вѣдогонъ, бѣда,
 Открылась и льстя руда,
 Ты спишь, ты уснуль навсегда.
 Смотри. Вѣдогонъ твой убитъ.

XVIII.

ЕДИНО-РАЗНЫЙ.

Мы вносины
 Въ свѣты, въ дымы,
 Мы крутины
 Безъ конца.
 Въ свѣтозарный
 Громъ ударный,
 Въ мракъ сердецъ и въ свѣтъ лица.

Но покуда
 Есть Іуда,
 Есть в чудо
 Для людей.
 Свѣтлый мститель,
 Искупитель
 Омрачающихъ страстей.

И покуда
 Намъ отсюда
 Изумруда
 Свѣтить свѣтъ,
 Мчить насъ бѣлый
 Богъ—въ предѣлы
 Красныхъ солнцъ и всѣхъ планетъ.

XIX.

СЕМЬ.

Изъ дыханья — камень красный,
 Изъ воздушнаго — ужасный
 По громоздкости безстрастной.

А изъ камня, изъ забвенья,
 Изъ земли, отяжелѣнья —
 Изумрудное растеніе.

Изъ растенія, изъ иochлага
 Тайно-жаркого побѣга —
 Звѣрь, взглянуть — такъ это иѣга.

А изъ звѣря, всталъ изъ звѣра, —
 То богатство, иль потеря, —
 Человѣкъ, всебожность мѣри.

Изъ него, изъ человѣка, —
 То силачъ, или калѣка, —
 Богъ ростесь въ вѣка изъ вѣка.

Богъ встаетъ, за богомъ боги,
 Безконечныя дороги,
 Многи мраки, звѣзды многи.

Это — шесть, но седьмь — священно,
 Выше бога, неизмѣнно,
 Что на Вѣчномъ — въ мигѣ пѣнио.

XX.

ВСЕБОЖИЕ.

Въ водахъ есть рыбы,—и боги есть рыбъ.
 Въ воздухѣ птацы,—есть боги крылаты.
 Въ травахъ свернулась змѣя вперегибъ,—
 Вѣщий есть Зхѣй, богъ любви, хоть проклятый.
 Боги лѣсны—какъ волки глядѣть,
 Боги ночныхъ—какъ враны.
 Боги дневные—какъ солнечный взглядъ,
 Боги безчасья—слѣпые туманы.
 Люди всегда о богахъ говорить,
 Имъ отдаютъ всѣ несчетныя страны.
 Сами богами надъ Миромъ мы здѣсь
 Будемъ,—онъ нашъ будетъ весь!

XXI.

ВЫЗОВЪ.

Бряцать на кимвалахъ—умершихъ религій,
 Вериги носить—отошедшихъ вѣковъ,
 И вѣчно быть въ буквѣ, и вѣчно быть въ книгѣ,—
 Довольно. Я въ бунтѣ. Довольно оковъ.
 Я только оставлю, тамъ въ сердцѣ лежа,
 Зелено-Перистаго Змѣя себѣ,
 Волшебнаго Фея, цвѣтистаго Зуя,—
 И вызовъ бросаю Судьбѣ!

XXII.

ПѢСНИ БѢСОВСКІЯ.

Пѣсни бѣсовскія, пѣсни пріязнныя,
 Мысли мѣрскія, плесканья, плясанія,
 Были вы прокляты, звѣзды алмазныя,
 Подслѣповатость гнала васъ въ изгнаніе!
 Гнали васъ, пляски Весны хороводныя,
 Вотъ и загнали въ лѣса изумрудныя,
 Любо скликаться вамъ, птицы свободныя,
 Сколь вы прелестныя, сколь многочудныя!

XXIII.

ДЖЭЛАЛЬЭДДИНЪ РУМИ.

Тотъ, кто знаеть силу пляски,
 Въ томъ, какъ въ вихрѣ, свѣтить Богъ,
 Ибо смерть онъ знаеть въ ласкѣ.
 Алла—гу!

Въ дальнемъ, въ близкомъ, въ вышнемъ, въ низкомъ,
 Въ мигѣ Вѣчность, въ бурѣ вздохъ,
 Знаеть онъ любви смертельность.
 Алла—гу!

1907. Золотой Сентябрь. Зеленый Океанъ.

Soulac-sur-Mer.

Villa Ave Maria.

КРАДУЩЕЕСЯ ЗАВТРА.

КРАДУЩЕЕСЯ ЗАВТРА.

*Поселяю мое видение бессмертной памяти прошедшего наимен
дней, Словака.*

*Tu król, co jękiem harf zwyciężyć mięta
I głosniej grać... niż mgły ludzie jeczą.
Słowacki.*

1. БАЮ.

Я только зналъ, въ тѣ дни, въ тѣ дни единственныя,
 Когда былъ юнъ, я зналъ лишь звуки струнь,
 Лишь орлй крикъ, огни, и сны таинственныя,
 Поцѣловать, ибросить въ девять лунъ.
 Найти цвѣтокъ, сорвать его съ медлительностью,
 Чтобъ взять слегка съ прѣтка цвѣточный сокъ,
 И вдругъ уйти, плѣнивши ослѣпительностью,
 Чтобъ жилъ въ другомъ намекъ, всегда намекъ.
 И въ чёмъ была та сила-чаровательница,
 Что миѣ дала такой извѣдать путь?
 Не знаю, иѣть. Привѣтъ тебѣ, ласкателница,
 Ты пѣла миѣ: Заставь ихъ всѣхъ уснуть.
 Баюкаль я своими колыбельностями,
 Качаль мечту, качели хороши.
 Изъ грёзы — жизни, съ обрывками и съ цѣльностями,
 „Баю“ любви, къ душѣ „баю“ души.

2. ЭТО БЫЛО.

... Это было, это было, и не будоть вновь,
 Потому что только Сила говорить: „Мой часъ готовъ!“
 Потому что даже дѣти — дѣтства лишены,
 И въ войну играютъ въ дѣтской, слыша рѣзкій свистъ Войны.
 Все, что было затаенное, выявилось вдругъ,
 Гнобиность злобы, обидъ, и гнista, расширяющіяся кругъ.
 Тамъ, во-внѣ, готовятъ пушки, шепчется ладанъ,
 Здесь, подъ тѣнью перекладинъ пляшетъ пляску динамитъ.
 Обезумѣвшіе братья — злѣйшіе враги.
 Револьверъ, кинжалъ, и петля. Мести за месть. И грабъ. И жги.
 О, безумны тѣ, что шутятъ силою Огня.
 Бойтесь жизни больше казни, разъ убійство шутка дня.
 Подождите! Бой неравенъ. Простѣките пить.
 Лучше быть сто разъ убитымъ, чѣмъ хоть разъ однъ убитъ.
 Подождите! Претерпите пытку до конца.
 Я клинусь вамъ: будетъ праздникъ Озареннаго Лица.
 Но въ то время какъ я спорю съ вихрами временъ,
 Отъ разстрѣловъ и пожаровъ стала весь красный небосклонъ.
 И въ то время какъ на нивѣ въ макахъ вся межа,
 Мальчикъ мой принесъ изъ дѣтской дга блестящіе ножа.

3. ПРѢСНЯ ОРЛИНАЯ.

Я долго медлилъ и внималъ
 Напѣванъ пышнаго орла.
 Луна была какъ бы опалъ,
 Лицъ Солнца былъ воздушно-аль,
 Какъ будто кровью истекалъ,
 И кровь ужъ блѣдою была.

То не былъ день. Ни день, ни ночь.
 Я былъ на бархатномъ лугу.
 О, пой, оролъ! Пророчь, пророчь!
 Пропой: Все было такъ точь въ точь,
 Въ вѣка умчавшіеся прочь,
 На Сумерійскомъ берегу.

На многобожномъ берегу,
 Въ затонѣ странъ, въ рѣкѣ временъ,
 Гдѣ врагъ былъ волчы радъ врагу,
 И пѣль кроваво: „Все могу!“
 И кедры высей гнуль въ дугу,
 Чтобы былъ отстроенъ Вавилонъ.

Смотри, оролъ, мы тоже здѣсь
 Воздвигли тридцать этажей.
 Мы Шаръ Земной сковали весь,
 У вышнихъ тучъ мы сбили сгѣсь,
 Надъ Шаромъ шаръ пустили днесь,
 Превыше свиста всѣхъ стрижей.

Смотри, достигнемъ и тебя,
 Орель пѣвучий и сѣдой.
 Воздушный флотъ идеть, губя
 Тѣхъ, кто въ лодыни себя
 Слабѣе пашь. Гляди: дробя,
 Мы взрывъ бросаемъ золотой.

Кто смѣль возстать на наше Мы,
 И наше обмежить Хочу?
 Внизу тамъ были воинствъ тьмы,
 Но мы прошли быстрый Чумы,
 Изъ нашей облачной сумы
 Имъ выславъ пламя — саранчу.

Надъ Шаромъ — шаръ. Весь Шаръ земной
Единой Волѣ подчиненъ.
Еще немного, и съ Луной
Мы многопытной пеленой
Следимся въ шаръ одинъ, двойной,
И дальше, въ Звѣздный Небосклонъ!

Такъ пѣть я, клекоту внемля,
Что раздавался съ высоты.
Вдругъ, словно якорь съ корабля,
Орелъ упалъ. И вольно, для
Полетъ, парить — и гдѣ Земля?
Я съ нимъ. — Ну, что-жо, видиши ты?

Я видѣлъ. Чѣмъ я дальше плылъ,
Тѣмъ больше таилъ кругъ Земли,
Земля была среди сѣтиль.
Какъ бы кадило мокрь кадиль,
Межъ точекъ точка, сѣть могилъ,
Земные Чары все ушли.

Но, удаляясь отъ Земли,
Я во пребывалъ къ Лунѣ,
И Звѣзды Неба шло и шло,
Звѣда къ звѣду, стада вдали,
Въ сиѣжисто-блещущей пыли,
Въ недоскагаемъ Огнѣ.

И вдругъ я вскрикинулъ въ звѣздной пыли,
И вдругъ ушалъ орелъ сѣдой.
И былъ въ воздушномъ кораблѣ, —
Лежу разбитый на Землю.
Орлиный духъ познавъ въ Оргѣ,
Коуу-жъ скажу я: „Пѣсню спой!“

4. КОМЕТА.

По яйцевидному пути
Летитъ могучая комета.
О чемъ хлопочетъ пляской съѣта?
Чтѣ нужно въ мірѣ ей найти?

Рисуетъ вытянутый кругъ,
Свершасть эллипсъ трехгодичныи,
И вновь придется стезей обычной,
По опрокинется на Югъ.

Она встаетъ ужъ много лѣтъ,
Свой путь уклончивый проводить,
Изъ неизвѣстнаго приходить,
И вновь ся надолго пѣть.

Какъ слабый ликъ туманныхъ вѣздъ,
Она въ началѣ появленія —
Всего лишь дымное видѣніе,
Въ ней пѣть ядра, чуть тлѣть хвостъ.

По ближе къ Солнцу, — и не та,
Ужъ ликъ горить, ужъ спѣть и дробенъ,
И миллионы верстъ способенъ
Тянуться грозный слѣдъ хвоста.

Густѣеть яркое ядро,
И уменьшается орбита,
Комета сѣйтится сердито,
Сплошной пожаръ — ея нутро.

Сопротивляется зевръ
Ея крылатости въ пространствѣ,
Но Солнце въ огасшномъ убранствѣ
Къ себѣ зоветъ ее на пиръ.

Къ себѣ зоветъ ее, прядеть
Вселенска-свѣтлая дороги,
И луны, въ страсти — крутогоги,
Ведутъ вѣнчальный хороводъ.

Верховая пылаеть даль,
Все уменьшается орбита.
Въ Жарь-Птицу Ночи -- воля взята
Все уже скручивать спираль.

Нель-Неба обнялъ рдяный хвостъ,
Еще прозенъя и червонца,
И взрывность рухнется на Солнце,
Средь ужасающихъ звѣздъ.

1908. Ночи Зимнія.
Беркендалъ.

ВЪ БѢЛОЙ СТРАНѢ.

*Псаломъ Безмолвія свершается сюзомъ,
Горить закатами пустыня ледяная.
Разъялся ширь загрезившихъ стихий,
Безгласность ясная Полярныхъ Литургій.*

*Надъ моремъ Елизмы базарная завьса,
Здѣсь царство хрусталей, здѣсь нѣть полей и льса.
Рядъ бѣлыхъ алтарей, вѣдущихъ въ Небо, льдовъ,
Входящая мольба, безъ просьбъ, Псаломъ, безъ словъ.*

ВЪ БЪЛОЙ СТРАНѢ.

Небо, и снѣгъ, и Луна,
Самая хижина—снѣгъ.
Вѣчность въ минутѣ—одна,
Не различается бѣгъ.

Тамъ въ отдаленіи ледъ,
Цѣлый застылъ Оксантъ.
Дней отмѣтить-ли мнѣ счетъ?
Въ дняхъ не почной-ли туманъ?

Ночь, это—блѣдная сѣнь,
День—запоздавшая ночь.
Скрылся послѣдній олень,
Дьяволъ умчалъ его прочь.

Впрочемъ, о чёмъ это я?
Много въ запасѣ ёмы.
Трапеза трижды моя
Межу звѣзды и звѣзды.

Слушай, какъ востъ пурга,
Ты въ троекратности жиръ,
Жди, не идѣть-ли цынга,
Востъ завершеннѣй твой миръ.

Жирнаго плотно поесть,
Сиѣгомъ очисти свой ротъ.
Нового сиѣга посѣсть,
Съ бѣлою тучей идѣть.

Вызвать на бой мѣвъ пургу?
Выйти до области льдовъ?
Крѣпко важдавъ острогу,
Идѣть толстолапыхъ враговъ?

Въ бѣлой холодной странѣ
Бѣлый огромный медвѣдь.
Мѣсяцъ горитъ въ вышинѣ,
Круглая мертвала мѣдь.

Вотъ, я памѣтиль врага,
Вотъ, онъ лежитъ предо мной,
Мечъ мой въ ночи—острога,
Путь мой означенье—луної.

Шкуру съ медвѣдемъ сорву!
Все же не будетъ теплѣй.
Съ авѣремъ я авѣремъ живу,
Сытой утробой жюй.

Вотъ, возвращусь я сейчасъ
Въ тѣсную душность юрты.
Словно покойника глазъ
Мѣсяцъ глядитъ съ высоты.

Стала потише пурга,
Все жь заметаетъ мой слѣдъ.
Тонеть въ пушинкахъ нога,
Въ этомъ мнѣ радости нѣтъ.

Впрочемъ, кому же слѣды
 Въ этой пустынѣ искать?
 Снѣгъ, и пространство, и льды,
 Сиѣжная лѣдяная гладь.

Я безпредѣльно однѣй,
 Тонуть слова на лету.
 Жди умноженія льдинъ,
 Дьяволы смотрѣть въ юрту.

* * *

Я изъ бѣдной страны.
 — Кто сказалъ? Кто сказалъ?—
 Я изъ бѣдной страны.
 Лѣта нѣть. Нѣть весны.
 День мой малъ.

Ты изъ пышной страны.
 — Кто сказалъ? Кто сказалъ?—
 Ты изъ пышной страны.
 Шѣжи чары Луны.
 Сѣѣжи сиѣжные сны.
 Живъ кристалъ.

Шесть безумныхъ смертей.
 — Кто сказалъ? Кто сказалъ?—
 Шесть безумныхъ смертей,
 Шесть тридцатостей дней,
 Шесть безумныхъ ночей.
 Я усталъ.

Шесть погаснувшихъ дней.
 — Кто сказалъ? Кто сказалъ?—

Шесть негасящихъ дней,
 Шестью тридцать огней,
 Шесть костровъ, все светлѣй.
 Вотъ, ты аль!

— А потомъ? Что потомъ?
 — Кто сказалъ? — Я сказалъ. —
 — Ты, съ горячимъ лицомъ? —
 — Я, вѣщунъ. Что потомъ? —
 — Смерть съ вѣщомъ. — Смерть съ концомъ? —
 Я упалъ.

* * *

Явились, вотъ, одинъ, другой,
 И третій, и четвертый.
 Ихъ не ударишь острогой,
 Не ткнешь рукой, не спутъ ногой,
 Здѣсь лишь глядѣть на мертвый рой,
 Здѣсь тѣла распростерты.

Ихъ пронизая остріемъ,
 Не дослышешь ни мало.
 Не отступаютъ предъ мечомъ,
 Они во всемъ, они ни въ чёмъ,
 И каждый смотрѣть палачомъ,
 Твердъ: Конецъ — начало.

Четвертый, пятый, и шестой,
 Седьмой, восьмой для круга.
 Тридцать ихъ передо мной,
 Темнѣютъ, зыблъя пеленой,
 Виѣ числь вются подъ Луной,
 Отъ Сѣвера до Юга.

Востокъ захваченъ и Закатъ,
И ворхъ и изъ—все въ мірѣ.
Всёдѣ на тѣнь ваткнется взглядъ,
Грозящій призрачностью Адъ.
Три измѣренія, говорять,
Оли твердять—четыре.

Замкнись,—недостовѣрна дверь,
Проходить черезъ стѣны.
Смѣшались—завтра и теперь,
И вѣрь себѣ или не вѣрь,
Кругомъ—тысячеглазый забѣрь,
Потокъ съ мерцаніемъ пѣни.

Какой-бы маленький предметъ
Ии всталъ передо мною,
За нимъ зловѣщій тѣнесеніть,
За нимъ, предъ нимъ ползучій слѣдъ,
Безплотный духъ, что мглой одѣть,
И оживленъ Луною.

Замкнулся наглухо въ юртѣ,
По ждать недолго буду.
Какой-то шопотъ въ духотѣ,
И чай-то хохотъ въ темнотѣ,
Пришли, сошлись, густѣютъ—тѣ,
Со мной, во мнѣ, повсюду.

6

* * *

Тюлень. Пингвинъ. Глупышъ.
Сѣга. Мерцанье. Тишь.

Иша. Хоть цѣлый день.
Глупыши. Пингвины. Тюлень.

Пройди. Весь сиѣгъ до лѣденъ.
Тюлень. Глупышъ. Пингвинъ.

И самъ я отушѣль.
Слѣнить просторъ. Онъ бѣль,

И самъ я сталъ какъ авѣръ.
Всѣ дни одно—Тесперъ.

Гляжу, передъ собой.
Сажу, слѣвой, тушой.

Себя я различиши.
Свѣга. Мерцанье. Тешь.

* * *

Бѣлоглазые пингвины,
Сумасшедшій птичій домъ.
Брюхомъ бѣлы, черны спины,
И какъ будто мыслить ртомъ.

Ужъ не молятся ли Богу,
Чтобы паша онъ послалъ?
Нужно жъ єсть хоть понемногу,
А животъ у нихъ немалъ.

Вверхъ подняши клювъ прокорный,
Позабыль летать пингвины,
Брюхомъ бѣлы, задомъ черны,
Растолстѣшиши господинъ.

Съ неизвѣстной мглой не споря,
 Уголь взялъ за цѣлый міръ,
 Получаетъ ренту съ моря
 И съ земли двойной балкиръ.

Вмѣсто крыльевъ, культи—руки,
 Пища—снезу, чтобъ летать.
 Съ Небомъ лучше быть въ разлукѣ,
 Близко, низко, тиши да гладь.

Паралитики для лата,
 Отреклись въ свое мѣсто крылѣ
 Отъ пебеснаго намета,
 Чтобы ползать по землѣ.

На прибрежныи, въ числахъ цѣльный,
 Раздаваясь въ даль и въ ширь,
 Многоброшнй, многотѣльный,
 Сытый птичий монастырь.

Вонъ проходять надъ волнами
 Чернобѣлою толпою,
 И культиными крылами
 Помаваютъ предъ собой.

Вонъ, ваныжившись, ярють.
 Два и два, откинувъ лбы,
 Шеи шлемы цѣлюютъ,
 Привставая на дыбы.

Предполлярное видѣнье,
 Альбатросъ наоборотъ,
 Птица—земность, отупѣнье,
 Птица—глупость, птица—скотъ.

* * *

- Дьяволъ, кто ты?—Вѣтеръ, Вѣтеръ.
 — Что ты вищешь?—Я свищу.
 — Что ты вищешь?—Долю, волю.
 Вьюсь, свилюсь, трепещу.
 Возростаю въ вихрѣ свиста.
 Замираю, чутъ шепчу.
 Медлю тамъ, гдѣ степь цвѣтиста.
 Моровую язву мчу.
 — Дьяволъ, Дьяволъ, для чего же
 Ты цвѣты смѣшалъ съ чумой?
 — Иль не все одно и то же?
 Мчать что мчится—праздникъ мой.
 И ужели по привоже
 Цвѣть цвѣтеть разъятыхъ ранъ?
 Красенъ макъ, и извея—тоже.
 Я—прохожай чрезъ туманъ.
 — Ты—жестокий! Дьяволъ, Дьяволъ!
 — Ззиты!—Качнулася Луна.—
 — Стой!—Куда тамъ! Скрылся Дьяволъ.
 Подпуть. Сумракъ. Тишана.

* * *

Еслибъ мнѣ хотя вина,
 Этой огненной воды!
 Былъ бы бочкой я бозъ дна
 Отъ звѣзды и до звѣзды!

Я бы выпилъ за снѣга,
 Разъ въ снѣгахъ мнѣ жить давно.
 Я бы выпилъ за врага,
 Разъ сражаться суждено.

Я бы выпилъ за себя,
Разъ родился я такой.
Винный кузовъ теребя,
Упивался бъ день донъской.

А теперь? Я пью лишь кровь,
Да густой, какъ деготь, жирь,
Чтобы идти за звѣремъ вновь,
Обезпечить скучный пирь.

Я пьягью лишь тогда,
Какъ отъ лунной темноты
И отъ вѣтра, иногда,
Мѣрно пляшетъ дверь юрты.

И ручной пингвинъ въ ташкѣ
Трется объ ноги мои.
И змѣйности души
Я качаю нѣ забытьи.

* * *

Я нашель, какъ развѣльть мнѣ скучу,
Какъ быть свѣтлымъ мнѣ въ мукѣ моей.
Я отъ Вѣтра развѣдалъ науку
Быть веселымъ въ запѣвѣ скорбей.

Запою, заведу, загуторю,
Самъ съ собой безъ конца говорю.
Не позорно-ль быть преданнымъ горю?
Можно въ сердцѣ затѣять зарю.

Всю равнину отъ края до края
Я прошелъ въ этомъ царствѣ снѣговъ.

И пѣвучіи руны слагал,
Залосилъ ихъ на сиѣжий покровъ

И пройдя по зеркальности сивей,
Начерталъ я заклятия на льду,
Опушивъ ихъ серебряный иней,
Заманилъ въ заговоръ я звѣзу.

Пронграли миѣ хоромъ Молчанье
Безглагольную пѣсню свою.
Изъ сиѣговъ предо мной извѣяны
Л въ нихъ жизнь заклинаньемъ впою.

Этимъ Мѣсяцемъ жестымъ, ущербнымъ,
Покачинувшимъ златые рога,
Сохранившимся прутикомъ вербнымъ,
Я велю вамъ: Живете, сиѣга.

Оживляются странные лики,
Много созданныхъ сиѣжихъ людей.
Еслибъ было немного брусковъ,
Я бъ раскрасить въ нихъ пламя страстей.

Подожду, какъ совсѣмъ покраснѣвать,
Предъ ущербомъ постыднимъ, Луна.
Капли три она крои миѣ свѣтеть,
Л въ нихъ вброшу, въ нихъ сердце, до дна.

* * *

Сиѣжие люди устроены,
Сиѣжие боги при нихъ.
Люди, какъ масти, устроены,
Богъ — дополнительный стихъ.

Мъсяцемъ боги отмѣчены,
Кровью ущербной Луны,
Въ членахъ они изувѣчены,
Быть какъ отдельность должны.

Тѣ,—какъ болѣзнью слоновою
Важно распутчивъ животъ,—
Съ алчностью смотрять суровою,
Миръ это пища вмъ въ ротъ.

Тѣ, развернувъ семипалья
Руки, по тысячѣ рукъ,
Зубы оскалили алые,—
Надо почтенья вокругъ.

Тѣ, разукрасившись блестками,—
Женская будеть статья,—
Вмѣстѣ съ мужчинами—тозками
Славить восторгъ бытія.

Груди у нихъ поразвѣшаны
Бродѣ какъ будто лозы,
Взоры глядящихъ угѣшены,
Даже до кѣжной слезы.

Дальше героя вельможные,
Паллица въ каждой рукѣ,
Это—столпы придорожные,
Дамбы въ великой рѣкѣ.

Если бозь нихъ, такъ разъѣдетсѧ
Влага въ чрезмѣрный разливъ,
Лобъ вѣдѣсь у каждого мѣдитая,
Каждый охраню красивъ.

Дальше—со лбомъ убѣгающемъ,
 Это созвѣтия всѣ,
 Взоромъ мерцаютъ мигающемъ
 Въ мудрой и хитрой красѣ.

Зная, что столь предпочтителенъ
 Задъ предъ носѣрьнымъ крыломъ,
 Ихъ короводъ умилителенъ,
 Каждый мѣшокъ здѣсь мѣшкомъ.

Дальше—фигуры медвѣдя,
 Храбости бравый оплотъ,
 Кровью помазаны, свѣжки,
 Сильныя, добрый народъ.

Я освятилъ ихъ заклятыми,
 Кровью своей окрошилъ,
 Будьте здѣсь слатзыми братьями,
 Связью устойныхъ стропилъ.

Я освятилъ ихъ напѣвами,
 Кровью и птицъ въ звѣре,
 Будьте какъ юноши съ дѣвами,
 Въ страсти любовной своей.

Я освятитель ихъ гадальнямъ,
 Кровью ущербной Луны,
 Будьте моими созданьями,
 Будьте, хочу, вы должны.

Я прохожу въ этомъ множествѣ,
 Кровью я землю крошу,
 Царствуйте здѣсь въ многобожествѣ,
 Каждаго я полюблю.

Будутъ вамъ жертвы багряныя,
 Алости снова и вновь,
 Капли кроплю я румяныя,
 Чару влагаю я въ кровь.

* * *

Я изъ бѣлой страны.
 — Кто сказалъ? Кто сказалъ?—
 Я изъ бѣлой страны,
 Я изъ бѣлой страны.

* * *

Прежде, види, какъ сиѣжинка
 Въ воздухѣ летаютъ,
 Говорелъ я: серебрники,
 Говорилъ: съ цвѣтовъ пушинки,
 Стан фей летаютъ.

И конечно. Вѣдь красивы.
 Ишь какъ шелушатся.
 Заплатаются въ извины,
 И летятъ, какъ хлопья ивы,
 Пухомъ внизъ ложатся.

Да постой. Не такъ ужь глупъ я.
 Знаю тѣ алмазы.
 Да, узналъ. Не такъ ужь тупъ я.
 Это—кожа, это—струнья
 Моровой Проказы.

Тамъ на Сѣверѣ, сѣдал,
 И еще на Югѣ,
 Считать Проказа міровая,

И скребется, возставая,
На Полярномъ кругѣ.

Позѣваетъ, поскребется,
Налущать лохмотій,
Глянетъ, сплюнетъ, и ругнется,
Туча на небѣ сберется,
Тутъ на поворотѣ.

На углу воротъ Полярныхъ,
Вѣдьминому сказу
Послушая, въ клубахъ парныхъ
Накопила сновъ угарныхъ,
Понесла заразу.

На зеленымъ поляны
Дунетъ, все повянетъ.
Заморозила тумавы,
Бросить между травъ изъямы,
Мертвый узель стянеть.

И посыпать, и засѣть,
Съ краю и до краю.
Цѣпенѣе наѣтъ,
Замятелить, завладѣть,
Брежу, засыпаю.

* * *

Въ западиѣ я у врага.
Гдѣ же быть май? Здѣсь въ юрѣ?
Въ этой душной тѣснотѣ?
Или выйти на сѣва?
Какъ выходять на луга?

Тамъ тѣснѣе въ пустотѣ,
 Въ безграницности того,
 Что едино и мертвое.
 Я вольнѣе между стѣнь,
 Гдѣ хоть тѣни перемѣнъ,
 Гдѣ хоть это для меня: —
 Тихій трескъ и скокъ Отря.
 На равнинѣ я мертвѣцъ
 Въ безграницности гробицъ,
 Гдѣ начало есть конецъ
 Въ одноцвѣтномъ безъ гравицѣ.
 Тамъ я въ вольности — скелѣтъ,
 Здѣсь я въ тѣсности — живой.
 Многой зажженный — дышать свѣтъ
 Въ этой кельѣ гробовой.
 Только выйду, видно мнѣ,
 Что со мною никого.
 Здѣсь же въ жаркомъ полуснѣ
 Оживастъ вещества.
 Я подушку обкину,
 Я съ покрышкой говорю.
 И шепчу я въ полутьму
 Къ неизвѣстному, сму.
 Мнѣ отраднѣй и вольнѣй
 Закрывать свои глаза,
 Обращаясь мыслю къ ней,
 Чѣмъ глаза какъ бирюза.
 Съ неострижной говорю,
 Распалляюсь и горю,
 Въ тѣлѣ есть такой огонь,
 Что ужъ вотъ я не оденъ.
 Вѣтеръ взвыль. Ну, что-жъ, тревонь,
 Но меня въ тиши не тронь,

Здесь не царство дикихъ льдинъ.
 Здесь хоть въ грезѣ, я ловлю
 Чѣ-то пѣжное „Люблю“,
 Хоть въ гробу, но властелинъ.

* * *

Я узмалъ сегодня почью,
 Что воочью, что воочью
 Вещи всѣ — живыя.
 Я зажегъ огонь, и думы
 Думалъ, думалъ. Вѣтра шумы
 Доходили до меня,
 Круговые.
 Я глядѣлъ на скокъ Огня.
 Сине-красную онъ пласку
 Начиналъ и измѣнялъ,
 Взявши желтую окраску.
 Зачиналъ иную смазку,
 Становился снова алъ,
 Въ дымъ бѣжалъ, въ сѣные дымы,
 Перемѣшивался съ ними,
 Прогонялъ ихъ отъ себя,
 Быль ихъ прутьями цвѣтными,
 Языками расписными,
 Пламецвѣтности дробя,
 Самъ собою обольщался,
 Голубою клятвой клялся,
 Что нельзѧ же не люби
 Такъ неистово метаться,
 Такъ несдержанно горѣть,
 Быль какъ золото, какъ мѣдь,
 Фіасетово мерцая,
 Начиналъ тихонько пѣть,

Вися, дымы обнимая,
 Снова дыму пыль: Не троиль,
 Нель, не троиль, въдь я Огонь.
 Золотился рѣже, рѣже,
 Загрязнялся чаше, чаше.
 И на шкурѣ я медвѣжай
 Размышилъ, что я пропацій,
 Что когда-то я весной
 Былъ съ любимою женой,
 Проходилъ по весной чашѣ,
 Каждый лестикъ былъ алмазъ,
 Каждый цветокъ нѣжель насть,
 О, я помню, какъ коснулся
 Я губами вѣжныхъ губъ
 Какъ невольно усмѣхнулся
 Я на свѣжесть поцѣлуя,
 Каждый, къ вубу линушѣ, зубъ,
 Каждый нѣжнай блызай зубъ
 Мне любовно улыбнулся,
 Жилъ въ отдельности ликую,
 О, я помню какъ меня
 Тонкій тонъ пронзилъ огня,
 Какъ я ежалъ ее, и ало
 Улыбалася заря,
 И лѣснал тишь начала,
 Безъ конца, и безъ начала,
 Двухъ влюбленныхъ, въ комъ, горя,
 Было счастье обниматься,
 Такъ, вотъ такъ, прижать, прижаться,
 Такъ, вотъ такъ... Постой, постой,
 Чѣд такое, чѣд такое,
 Чѣд такое здѣсь со мной?
 Я лежу въ палищемъ зновъ

Съ изумительной женой!
 На мелкѣй былъ я шкурѣ,
 А теперь — въ объятьяхъ чѣхъ?
 Въ поцѣлуйной девой бурѣ,
 Мѣтъ Огояя постъ свой стихъ,
 Я въ истомности масанії,
 Я цѣлую, я дрожу,
 Я въ слезы, я въ туманѣ,
 Кто со мной, не услыху,
 Что со мной, не разскажу,
 Я вступить въ огонь горячий,
 Тѣломъ я вошелъ въ весну,
 Я захлебываюсь въ плаче,
 Въ сладкомъ хохотѣ стону,
 И кругомъ, съ Огнемъ качалъ,
 Расцвѣчалъ въ красотѣ,
 Отраженьями встрѣчалъ,
 Пляшутъ вещи все въ юртѣ,
 Пляшетъ утварь, пляшутъ стѣны,
 Сумракъ шепчетъ живой,
 Все въ дрожаньяхъ перомъи
 Поцѣлуй есть тѣновой,
 Къ огневому средоточью,
 Словно шабашъ круговой,
 Всѣхъ вещей стянулся род.
 Это видѣть я воочью,
 Нынче почью, нынче почью,
 И теперь ужъ я — другой.

* * *

Что тамъ въ складкахъ волчьей шубы?
 Что-то есть тамъ? Кто-то скрытъ?

Усмѣхнувшіяся губы?
Кто-то молча говоритъ?

Миѣ подмигиваѣтъ. Вижу.
Осовѣлые глаза.
А! проклятый! Непаважу!
Тошній дьяволъ и коза.

Закрившися морда,
Полусломаны рога.
А при этомъ смотритъ гордо,
Словно — вѣть, моль, сѣмъ врага.

Шевельнулъ я краемъ шубы.
Надоѣло. Уходи.
Снова тутъ. Оскалилъ зубы.
Хвостъ означилъ позади.

Ну, чего ты? Говори же.
Разъ пришелъ, такъ для чего?
Ухмыльнулся. Смотрить ближе.
Видно, хочеть资料.

А чего, ему извѣстно.
Вправо, влево онъ мигнуль.
Встали тѣни, такъ, что тѣсно.
Въ головѣ, какъ въ ульѣ, гулъ.

Расползлись, какъ черви, линкі,
Копошатся и глядятъ.
Хоть ручными, все же дики,
И коснать первыи взглядъ.

Полузвѣри, полурыбы,
Птицезмѣи, жадный ротъ.
Дивныхъ странъ живымъ глыбы,
И на нихъ бѣсовскій скотъ.

Дво — пастбище видѣлъ
Распаленного ума.
Кто вы, тѣни? Что вы, тѣни?
Ваша матерь — Смерть сама?

Лугъ вашъ — духъ умалшенній?
Тоцій Дьяволъ — вашъ пастухъ?
Язвы памити безсонной,
Саранчою полныи слухъ!

* * *

Вновь ушелъ, и вновь прашелъ.
Чей же это произволъ
Гонить внутрь, и прочь, во вѣтъ,
И велить кружиться миѣ?

Тамъ въ клѣти — ручной медведь,
Здѣсь въ юртѣ — ручной чигганий.
Что же, пѣспю имъ пропѣть:
Скальтесь, звѣри, я одевъ?

Тутъ еще — ручной тюлень.
Что ли, съ нимъ поговорить?
Я, моль, видывалъ спренъ,
Я умѣю искать пить.

Тоже былъ, моль, кое-гдѣ,
Тоже я не кто-нибудь,

Обратя свой взоръ—къ звѣздѣ,
Начинай свой дальний путь.

А не выгорѣло, — что-жь,
Праходи сюда другой.
Посмотрю я, какъ пойдешь
По безбрежности морской.

Посмотрю я, какъ дойдешь
До величья бѣлыхъ льдинъ,
Какъ мечта увидѣть ложь
Ею тканыхъ паутинъ.

Это Полюсъ? Можетъ, да.
А быть можетъ, что и вѣтъ.
Полюсъ напѣвъ душѣ всегда,
Въ первозданности премѣтъ.

Вотъ примѣта: Попѣлуй.
Вотъ примѣта: Вздохъ—люблю.
Вотъ примѣта: Изрывность струй.
Зовъ русалки: Утоплю.

Вотъ примѣта: Долгій взглядъ.
Сердце къ сердцу. Полюсъ — здѣсь.
Ты-же шагъ — всегда назадъ,
Проходя просторъ свой весь.

Ты лишь думалъ, что впередъ
Уходилъ и уходилъ.
И ушелъ. Въ безцѣльномъ. Вотъ.
Въ безлагольности свѣтиль.

* * *

Какая ночь! Всѣ звѣзды. Полны числа.
 Узоры думъ, что мыслятся не здѣсь.
 Качается златое коромысло,
 И влагой звѣздной міръ обрызганъ весь.

Въ сияньи свѣтъ, окружную равнину
 Повсюду куполь ночи обстушилъ,
 Въ раскинутомъ величіи я стыну,
 О, атомъ пытки въ торжествѣ свѣтиль.

* * *

Я вспомнилъ что-то изъ того,
 Что было нѣкогда моимъ,
 Теперь же — прозракъ, ничего,
 Отшедшій звукъ, ушедшій дымъ.

Я былъ у моего окна,
 Въ какомъ-то сладостномъ бреду,
 А голубая вышина
 Зажгла Вечернюю Звѣзду.

И вдругъ я понялъ, что звено
 Есть между вышиною и мной,
 Что темный съ свѣтлой есть одно,
 Что я земной и неземной.

И такъ душа была жива,
 Какъ въ Май пляска свѣтлыхъ дѣвъ,
 Душой — въ одпо сливши два,
 Я пѣль вселенскій свой напѣвъ.

* * *

Въ мое окно глядѣть Вечерняя Зѣнада.

[Она же Утренняя].

Вокругъ меня шумятъ ночные города.

[Они же утренніе].

Въ моей душѣ навѣкъ слились и Нѣтъ и Да.

[И Да и Нѣтъ — ихъ нѣтъ].

Въ моей груди дрожать благоговѣйный вздохъ.

[Въ немъ и проклятіе].

Вокругъ моихъ гробницъ сѣдой и цѣпкій мокъ.

[Онъ и съ расцвѣтами].

Со мною говорять и Сатана и Богъ.

[Ихъ двое, я одинъ].

* * *

О, паденье росы, при рожденьи дня,

Вѣтромъ навѣяніе!

Даръ дивящихся травъ, добровольная дань,

Ночью надуманная!

О, паденье дождя, на продольность долинъ,
Облакомъ свѣянное!

О, рожденье слезъ, въ день единий изъ двоихъ,
Вѣдѣнье свидѣвшихся!

* * *

Затѣмъ, звено съ звеномъ свивая,

Сюда спустился свѣтлый сонъ,

Звуча зурной, струной, свирѣлью,

Струя струю свѣтлый зара?

Свѣял сказки сонныхъ листьевъ,
И въ свисты свѣжій вѣтеръ вливъ,
Зачѣмъ влагаетъ въ слухъ — вхъ слитность,
Зачѣмъ зоветъ, зачѣмъ, зачѣмъ?

За слоемъ слой снѣга въ подлунной,
Пришла весна, весна ушла,
Зачѣмъ же свѣтлый звонъ свѣрѣзъ,
Весло въ волнѣ зачѣмъ, зачѣмъ?

Шутя, блестя, шурша, какъ шалость,
Зачѣмъ тотъ шопотъ — шелкъ пришелъ,
Свѣрѣзъ счастья въ саркофагѣ
Зачѣмъ, зачѣмъ, зачѣмъ?

* * *

Гдѣ же я?
Гдѣ же я?
Вѣсть, сѣть Небо снѣгъ.
Гдѣ же я?

Еслибъ плыть.
Еслибъ плыть!
Можно бъ встрѣтить тихій брегъ,
Еслибъ плыть!

Я въ цѣпяхъ.
Я въ цѣпяхъ!
Тѣло бѣло, мысли ледъ.
Я въ цѣпяхъ.

Не привстать.
Не привстать!

Не страхнуть мертвящий гнетъ.
Не пристать!

Время нѣть.
Время нѣть!
Время было и прошло!
Время нѣть.

Бѣлый свѣтъ.
Бѣлый свѣтъ.
Гдѣ же я? Дрожитъ крыло!
Бѣлый свѣтъ!

* * *

Не могу я быть въ юртѣ,
Не могу ужь, не могу.
Захлебнулся я въ мечтѣ,
Эти мысли, тѣ, и тѣ,
Вѣчно мысли стерегу.
Быть въ измысленной чертѣ
Не могу ужь, не могу.

Не могу въ юртѣ я быть,
Зрячій филинъ — и слѣпой.
Самого себя любить,
Душу въ малости дробить,
Чтобъ себя же обступить
Все собой, самимъ собой.

Въ Бѣлый Миръ пойду теперь,
Бѣлый Адъ хочу избыть,
Распахнѫ я настежь дверь,
Быть съ собою — то не быть.

Бѣлый Миръ, вступаю въ бой,
Съ Бѣлымъ Дьяволомъ, съ тобой.
Бѣлой Смерти я вкусила,
Столько, столько, что не счѣсть.
И вкушу еще, до тла.
Вотъ, ты есть и ты не осты,
Ты скорѣе лишь была.

Не считая капель слѣй,
И глядя на токъ свѣтлыи,
Я узоръ мечты плету,
Я бросаю свой уютъ,
Зажигаю я юрту,
Языки Огня поють.
Бѣлый Миръ, въ послѣдній бой
Выхожу теперь — съ тобой,
Ты не сможешь побѣдить,
И въ тебѣ найду я исть
Въ сказкѣ Жизни Голубой.

* * *

А воистину-ли тамъ,
Гдѣ обрубленъ ледъ водой,
А воистину-ли тамъ
Праздникъ жизни золотой?

Не преснилось-ли мечтѣ,
Что когда-то былъ я тамъ?
Не преснилось-ли мечтѣ,
Рай и Ева и Адамъ?

Это вымыслы мои,
Чтобы спрятать круглый путь?

Это вымыслы мои,
Чтобъ въ снѣгахъ не потонуть?

Это хитрость предъ собой,
Не скружиться на кругу?
Это хитрость предъ собой,
Жить хоть какъ-нибудь въ снѣгу?

А коль я наоборотъ,
Или тотъ-же вѣчный кругъ?
А коль я наоборотъ,
Или вѣчно я самъ-другъ?

А коль я на перебѣгъ,
Не достигну-ль я себя?
А коль я на перебѣгъ,
Или тотъ-же вѣчный снѣгъ?

А коль я направо — такъ —?
Что-то спуталось во мнѣ.
А коль я налево — такъ —?
Всѣ тропинки я смѣшилъ.

Снова впрымь на перебѣгъ,
Тамъ, быть можетъ, новый путь?
Снова впрымь на перебѣгъ,
Есть тутъ ледъ, не только снѣгъ.

Ну, а если я пойду
Безъ оглядки вдаль по льду?
Ну, а если все впередъ,
Можетъ, что-нибудь найду?

Вплоть до саней до воды
 Если я пройду все льды?
 Ой, какъ скользко! Гладкий ледъ!
 Идти на смерти, ни бѣды.

Вплоть до влаги я дойду,
 Къ санямъ влагъ припаду.
 Что тамъ? Лишь не снѣгъ, не леды!
 Что-нибудь, но тамъ наѣду!

* * *

Вызвѣздило. Мѣсяцъ въ дымкѣ скрыть.
 Спрятать онъ во мглаѣ свои рога.
 Сумрачно. Но блѣдный снѣгъ горитъ.
 Внутреннимъ огнемъ горятъ снѣга.

Въ прозрачности бѣлой я слѣжу,
 Сколько ихъ, тѣхъ звѣздныхъ паутинъ.
 Какъ бы сплести изъ нихъ мигъ мережу?
 Въ Вѣчномъ я. Одинъ, одинъ, одинъ.

* * *

Л изъ бѣлой страны.
 — Кто сказалъ? Кто сказалъ? —
 Я изъ бѣлой страны.
 На иную межу.
 Я изъ бѣлой страны
 Ухожу.

* * *

Морской леопардъ — онъ не тронулъ меня,
 Полярный медвѣдь — онъ не тронулъ меня,
 Лежали моржи и гладѣли,
 И словно сосульки застывшей мяты
 Бѣлѣли у нихъ клыки.

Тюлени толпами — прощайте налькъ,
 Прощайте пингвины, отродьс калѣкъ,
 Уходить, уходить отъ васъ человѣкъ,
 Уходить.

Вверху огоньки, и внизу огоньки,
 Вверху звѣздомлечность Великой Рѣки
 Узорныхъ волнъ проводить.
 И всполохи встали въ цвѣтистомъ броду,
 Сгораютъ.
 А тутъ, на звѣнящемъ и прозрачномъ льду,
 Отблѣтныя звѣзды играютъ.
 Свершилось. Звѣзу увидала звѣзда.
 На льды голубая заходить вода.
 Иду!

1908. Ночи Зимы. Бѣлое Утро.
 Долина Березъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. Бѣлый лебедь.	Стр.
Бѣлый лебедь	5
2. Тринадцать лунь.	
Январь	15
Февраль	16
Мартъ	17
Апрѣль	18
Май	20
Июнь	22
Июль	24
Августъ	25
Сентябрь	26
Октябрь	28
Ноябрь	30
Декабрь	31
Тринадцаты	32
3. Майя.	
Играть	37
Египетъ	37
Оахака	38
Цвѣтокъ цвѣтку	39
Пѣснь звѣзды	40
Ландышъ	41
Лишь Богъ	42
Для чѣго?	43
Люблю тебя	43
Струнность	43
Разсвѣтъ	44
Ау	45
Майя	46

4. Голубая птица.

	Стр.
Голубая птица	49
Илуна	49
Лепъ	50
Вънчальные	51
Семинъ	53
Тѣло играеть	53
Царь-Дѣвица	54
Цѣпть ночной	55
Лунный камень	56
Малурка	56
Всемъздность	57
По блѣдной долинѣ	57
Цари сіялья	58
Одиночество	59
Птица	59

5. Плака зноя.

Онь	63
Мѣсто мою	63
По морскому	64
Минутка	64
Атомъ	65
Отъ атома	65
Атомы Времени	66
Начертанія	67
Огневицъ	67
Сухой Перунъ	68
Половянинъ	68
Макъ	69
Две рѣчи	70
Стрѣла	70
Переваль	71
Небесный быкъ	72
Вѣлогонъ	73
Елань-Разныѣ	74
Семь	75
Всебоже	76

Вызовъ	76
Пѣсни бѣсовскія	77
Джалальаддинъ Руми	77
6. Крадущееся завтра.	
Крадущееся завтра	81
7. Въ бѣлой странѣ.	
Псаломъ Безмолвія	89
Небо, и снѣгъ, и Луна	91
Я изъ бѣлой страны	93
Люблюсь, вотъ	94
Тюлень. Пингвинъ. Глупышъ	95
Бѣлоглазые пингвины	96
Дьяволъ, кто ты?	98
Если бъ мѣя хотя вина	98
Я нашелъ, какъ развѣять мнѣ скучу	99
Сѣжимы люди	100
Я изъ бѣлой страны	103
Сѣжяпки	103
Въ западѣ я у врага	104
Я уналь сегодня ночью	106
Что тамъ въ складкахъ волчьей шубы?	108
Вновь ушель, и вновь пришель	110
Какая ночь. Всѣ автозы. Полны числа	112
Я вспомнилъ что-то	112
Въ мое окно глядѣть Вечерняя Звѣзда	113
О, паденье росы, при рождѣнїи дня	113
Зачѣмъ звено съ звеною?	113
Гдѣ же я?	114
Не могу я быть въ юрѣ	115
А воистину ли?	116
Вызвѣздало	118
Я изъ бѣлой страны	118
Морской леопардъ—онъ не тронулъ меня	118

КАТАЛОГЪ К-ва „СКОРПИОНЪ“.

КАТАЛОГЪ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА „СКОРПІОНЪ“

ЯНВАРЬ 1909 ГОДА.

I. СТИХИ.

Ю. Балтрушайтись. Жатва Дня. Печатается.

К. Д. Бальмонтъ. Полное собрание стиховъ.

Томъ I. (Подъ Сывернымъ Небомъ. Въ безбрежности, Тишина). М. 1909 г. Издание третье. Ц. 2 р.

Томъ II. (Горящія Здания). Издание третье. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ III. (Будемъ какъ Солнце). Издание третье. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ IV, V, VI, VII, VIII, IX, готовятся къ печати.

Томъ VII. (Жаръ Птица). Фронтины К. Сомова. М. 1907. Ц. 2 р.

Томъ X. (Хороводъ Временъ). М. 1909. Ц. 1 р. 20 к.

Александръ Блокъ. Нечаянная Радость. Второй сборникъ стиховъ. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Валерій Брюсовъ. Путя и перепутья. Стихи 1892—1907 г.

Томъ I. Стихи 1892-1901 гг. (Chefs d'œuvre. Me eum esse, Tertia Vigilia). М. 1907 г. Ц. 2 р.

Томъ II. Стихи 1902-1906 гг. (Urbi et Orbi. Stephanovъ) М. 1908. Ц. 2 р.

Томъ III. Стихи 1907—1908 гг. (Всѣ нацѣви). Выйдетъ въ февраль.

М. Бунинъ. Листопадъ. Стихотворенія. М. 1905 г. Ц. 1 р.

Андрей Белый. Золото въ лазурі. Первый сборникъ стиховъ. Обложка И. Феофилактова. М. 1904. Ц. 2 р.

Поль Верзинъ. Гимны, пѣсни, исповѣди, въ переводе Валерія Брюсова. Печатается.

- Эмиль Верхарнъ. Стихи о современности. Переводъ
Валерія Брюсова. Съ портретомъ Верхарна работы
Т. ванъ Риссельберга. Ц. 1 р. 30 к.
- Юрій Верховський. Первая книга стиховъ. М. 1903. Ц. 1 р.
З. Н. Гиппіус. Собрание стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вячеславъ Ивановъ. Прозрачность. Вторая книга "з".
Ки. Обложка Н. Феофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вячеславъ Ивановъ. Сога Аргенты. Speculum Spec
гум. Эросъ. Выйдетъ въ февраль.
- М. Кузминъ. Съти. Первая книга стиховъ. Обложка Н.
Феофилактова. М. 1903. Ц. 1 р. 50 к.
- Ив. Коневской. Стихи и проза. Посмертное собрание сочине-
ний, съ портр. автора и предисловиемъ Валерія Брюсо-
ва. М. 1904 г. Ц. 2 р.
- Д. С. Мережковский. Собрание стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Федоръ Сологубъ. Собрание стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Оскаръ Уальдъ. Тюремная баллада. (Баллада Рэдигитской
тюрьмы). Пер. разъѣромъ подлинника К. Бальмонта
М. 1904 г. Ц. 50 к.

II. РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

- Андрей Белый. Съверная симфонія (1-я, героическая) въ
4 частяхъ. М. 1904 г. Ц. 75 к.
- Андрей Белый. Четвертая симфонія. Кубокъ мете-
лей. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Валерій Брюсовъ. Земная ось. Разсказы и драматические
сцены. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
- Валерій Брюсовъ. Огненный Ангелъ. Повѣсть изъ пѣмен-
ской жизни. XVI в. Части I и II. М. 1908. Ц. 3 р.
- Иннукъ Гамсунъ. Съеста. Очерки и рассказы. Переводъ съ
норвежского С. А. Поликова. М. 1900 г. Ц. 1 р.
- М. Кузминъ. Разсказы. Томъ I. Печатается.
- Нагаджъ. Облака. Поэма въ прозѣ. Обложка Н. Феофилакто-
ва. М. 1905 г. Ц. 65 к.
- Эдгаръ По. Собрание сочинений въ переводе К. Д. Баль-
мента.
- Томъ I. Поэмы, сказки. Печатается второе изданіе.
- Томъ II. Разсказы, статьи. М. 1905. Ц. 1 р. 30 к.
- Томъ III. Страшные рассказы, гротески. Печатается.

Ст. Пшибышевский. Собрание сочинений.

Книга I. Homo Sapiens. Романъ въ 3 частяхъ. Пер. М. Семенова. Изд. 2-е. М. 1904 г. Обложка Н. Феофилактова. Ц. 2 р. 40 к.

Книга II. Pro domo thea. De profundis. У Моря. Сыны Земли.

(Романъ въ 3 ч.) и др. Пер. М. Семенова, Е. Троповского и С. Полякова. М. 1905 г. Обложка Е. Надельмана. Ц. 2 р. 40 к.

Книга III. Дѣти Сатаны. Романъ въ 4 ч. Обложка Н. Феофилактова. М. 1906. Ц. 1 р. 30 к.

Книга IV. Заунокойная месса. Въ часть чуда. Городъ смерти. Поэмы въ прозѣ. Пер. М. Семенова и Е. Троповского. Обложка Фидуса. М. 1906. Ц. 1 р.

Книга V. Статьи. Печатается.

Ст. Пшибышевский. Сыны Земли. Романъ. Пер. Е. Троповского. М. 1905 г. Ц. 50 к.

Федоръ Сологубъ. Жало Смерти. (Шесть рассказовъ). М. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

III. ДРАМЫ.

Габріэль д'Аннунцио. Трагедія. „Мертвый городъ“, „Любовь“, „Слава“. Переводъ съ итальянскаго Ю. Балтруша. М. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.

Эмиль Верхарнъ. Елена Спартанская. Трагедія. Единственный авторизованный переводъ съ рукописи Валеріи Брюсова. М. 1900. Ц. 80 к.

Кнут Гамсунъ. Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. Изд. 3-е. М. 1907 г. Ц. 50 коп.

Л. Зиновьевъ-Аннебаль. Кольца. Драма въ 3-хъ дѣйств. Предисл. Вячеслава Иванова. Обложка Н. Феофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 80 к.

З. Красинский. Небожественная комедія. Переводъ А. Куринского. Изд. 2-е. М. 1906. Ц. 60 к.

Шарль Фанъ-Лербергъ. Опи почуяли. М-ле Коси-Съю. Переводъ С. А. Полякова. Съ иллюстраціями Н. Феофилактова. М. 1908. Ц. ? р.

Шарль Фанъ-Лербергъ. Опи почуяли. М-ле Коси-Съю. Переводъ С. А. Полякова. Ц. 40 к.

Ст. Пшибышевский. Въчшая сказка. Пер. Е. Троповского. М. 1907. Ц. 1 р.

L-1278

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG Bal'mont, Konstantin
3453 Dmitrievich
B2 Polnoe sobranie stikhov
1914a
t.10

